

мистический детектив

Лана Синявская

У ЧЕРТА НА ПОСЫЛКАХ

Лана Синявская – участница телевизионного проекта
"Битва экстрасенсов"

Лана Синявская
У черта на посылках

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179314

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	25
ГЛАВА 4	38
ГЛАВА 5	47
ГЛАВА 6	60
ГЛАВА 7	70
ГЛАВА 8	81
ГЛАВА 9	91
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Лана Синявская

У черта на посылках

ГЛАВА 1

– Андрюшка! Ты здесь? Опять куда-то унесло. Не сидится человеку на месте!

Не услышать глухой удар, раздавшийся вслед за этими словами, мог только глухой. Галка глухой не была. Просто она растяпа. Поэтому она, особо не прислушиваясь, захлопнула дверь в кабинет, и я услышала удаляющийся стук ее каблучков. «Не сидится на месте!» – Передразнила ее я, потирая ладонью ушибленный лоб. Я-то как раз на месте. То есть, не совсем, конечно, на месте... В данный момент я находилась под своим собственным столом. Нет, я не сумасшедшая. Вполне обычная история – сережка вывалилась из уха и скатилась под этот самый стол, я полезла ее доставать и по закону подлости в этот самый момент я зачем-то понадобилась нашей секретарше Галочке. Услышав ее голос, я автоматически рванулась к ней и пребольно стукнулась лбом о столешницу. Теперь будет синяк, а то и целая шишка.

Расстроенная, я плюхнулась на довольно потертый ковролин прямо под столом и неприязненно уставилась на злополучную сережку, которая подмигивала мне розовым камуш-

ком с ладони. Вылезать почему-то не хотелось. Хотелось заплакать. Вставив сережку в ухо, я глубоко вздохнула. Ну почему я такая невезучая? Вот взять хотя бы имя. Все зовут меня Андрюшкой, а я не мальчик, и не трансвестит, боже упаси. Совсем даже наоборот – весьма симпатичная девушка двадцати пяти лет отроду. Но имя! Спасибо матушке – большой любительнице дамских романов. И как только ей пришло в голову назвать свою дочь Андрэ? Хотя мне давно известна эта история. Мамуля преподавала английский в одном из наших ВУЗов. Язык она знала в совершенстве, а главное – любила свою работу безмерно. И все бы хорошо, если бы не ее страсть к этим самым романам. Разумеется, в 1976 году, когда я появилась на свет, книги про пылких мачо и сексуально озабоченных мамзелей отсутствовали на прилавках магазинов как факт и будь моя мамуля обычной женщиной, моя судьба могла бы сложиться совсем иначе. Но... Ох и не люблю я это «но». После него обычно начинаются неприятности. Так вот, по работе моя мамочка проводила много времени в библиотеке, где имелся фонд иностранной литературы, а там пылились горы этих самых «мачо» и их страстных подружек. И однажды матушка прихватила с собой один из потрепанных томиков, просто так, из любопытства. И все. Моя судьба была решена, так как матушка буквально заболела слащавыми историями про чужую красивую жизнь.

Когда я родилась, меня называли этим вычурным именем в честь любимой мамулиной героини, то ли француженки,

то ли англичанки. Отец не возражал, так как любил мамулю ничуть не меньше чем какой-нибудь заокеанский мачо, хотя и трудился простым советским инженером, и получал свои сто двадцать рэ, при которых, разумеется, не мог позволить себе ни виллы, ни яхты, ни даже автомобиля. Велосипеда, и того у нас не было. Зато было целых три телевизора! Правда, у одного из них был только звук, у второго – изображение, а третий – старенький «Рекорд» – вообще не работал и служил тумбочкой.

Не знаю, как там у них во Франции или в Англии, но мне с моим имечком досталось по полной программе. Были и слезы, и отчаяние, и большая детская обида, зато я очень рано научилась решать свои проблемы самостоятельно, а именно – перестала жалеть себя и научилась давать сдачи.

После окончания школы встал вопрос о том, куда направиться дальше. Вопрос оказался довольно сложным, так как у меня не было никаких особенных талантов ни в одной области. Даже английский я знала скверно несмотря на все старания мамыли. И вот однажды, внимательно присмотревшись к своему отражению в зеркале, я обнаружила, что как-то незаметно превратилась в довольно смазливую, а главное – высокую блондинку. Как все нормальные девчонки моего возраста, я не страдала излишней самокритичностью по отношению к собственной внешности и, увидев такую «красоту», решила, что с этим надо что-то делать. Короче, требовалось немедленно использовать свой шанс стать знаменитой.

В том, что он у меня есть, я по глупости своей ни секунды не сомневалась. Ну как же, с ТАКОЙ внешностью!

Реальность быстренько спустила меня на грешную землю с белого облака, к которому я было примерилась. Начать свое победное шествие я решила с Москвы. Не Париж, конечно, но надо же с чего-то начинать? Наврав родителям с три короба про поступление в ИНЯЗ, я быстренько собрала чемоданы и полетела навстречу своей мечте. Крылышки мне подрезали в первом же агентстве, в которое я обратилась. Мне вежливо указали на дверь, даже не пытаясь объяснить, чем я им не угодила. То же самое произошло и во втором, и в третьем. В четвертом согласны были взять сразу, но почему-то принялись настойчиво интересоваться моим сексуальным опытом и напирать на желательное отсутствие у меня каких бы то ни было комплексов. Чего они от меня хотели, я поняла не сразу, но после того, как меня попросили снять трусики, чуть мгновенно подсказало, что лучше уносить отсюда ноги, причем по-быстрому.

Только в шестом по счету агентстве усталая женщина из приемной сжалилась надо мной и объяснила, что у меня имеется лишний вес, и в модели я не гожусь именно по этой причине. Я была настолько удивлена, что даже не расстроилась. Лишний вес? Хоть убейте, не вижу его, но если кому-то кажется, что он есть, то я от него избавлюсь! Подумаешь, проблема!

Отбив родителям бодрую телеграмму, в которой правди-

выми были только тчк и зпт, я приступила к осуществлению своего плана. Были испробованы все возможные диеты, в результате которых я превратилась в некое подобие египетской мумии. Все мои округлости исчезли, но почему-то кожа приобрела сероватый оттенок, а густые волосы стали лезть, как шерсть у нашей Мурки во время весенней линьки. Но я не унывала, ведь стрелка напольных весов показывала на целых десять килограммов меньше!

Увы, мои достижения не произвели на потенциальных нанимателей никакого впечатления и мне снова дали от ворот поворот. Продолжать борьбу я решила только из чистого упрямства, начав употреблять на завтрак обед и ужин чистый воздух, запивая это угощение кипяченой водой. Результат не заставил себя ждать: я начала хлопаться в обморок по пять раз на дню, меня пошатывало при ходьбе и тошнило от одного вида пищи. Я стала опасаться, что до агентства могу просто не дойти. Так оно и вышло. Вместо агентства я угодила к психиатру. Он оказался душевным дядькой, сразу понял что к чему, а потом тактично и доходчиво разъяснил мне, что все страдания были напрасными: мне от природы достался широкий, «сибирский» костяк и в модели меня не взяли бы даже в виде чистого скелета.

Выйдя из больницы, где пришлось пообещать, что в будущем я не буду больше морить себя голодом, я призадумалась. Что делать дальше? В модели мне дорога заказана. Приемные экзамены во все учебные заведения давно закончены, а

домой возвращаться мне не хотелось. После тщательной ревизии выяснилось, что оставшихся родительских денег хватит только на месяц, если учесть, что надо оставить на обратный билет. За этот месяц я должна решить свою судьбу, так как ясно, что второй раз на такую авантюру я не решусь ни за что на свете. Вот ведь обидно: получается, что если ты худая, то можешь добиться успеха, не прилагая к этому особых усилий. Не нужно корпеть над учебниками (красавице мозги ни к чему), не придется утруждать себя тяжелой физической работой, можно вообще ничего не делать, просто сидеть и ждать, когда счастье само упадет тебе в подставленные ладошки. А что делать остальным? Вот мне, например? Эти мысли вкупе с уязвленным самолюбием здорово портили мне жизнь. Я думала об этом днем и ночью, ворочаясь на неудобном, продавленном диванчике в тесной квартирке, которую удалось снять по дешевке. И вдруг однажды меня посетила крамольная мысль: а почему везти должно только худым? То есть для чего мы худеем? Чтобы нравиться мужчинам? Оно конечно правильно, но стоит ли игра свеч? Они, то есть мужчины, конечно, привыкли задерживать взгляд на упругих попках и точеных ножках, которые вызывают у них определенные мысли и желания. А мы и рады стараться: лопаем ненавистный шпинат и давимся сырой морковкой, чтобы стать тоньше, если получится – выше, стройнее. Тем более, что яркие, такие красивые журналы подзуживают: давай, давай, худей больше, ешь меньше,

бегай, прыгай и вертись, чтобы угодить ему, твоему повелителю. Все мы, большие и маленькие, худые и толстые, точно загипнотизированные, стараемся соответствовать выдуманному кем-то канонам красоты, лишая себя маленьких, но доступных радостей в виде свежего пирожного со взбитыми сливками, сочной отбивной с хрустящей корочкой или мороженого. В результате ценой невероятных усилий мы превратились в похожих друг на друга, как близнецы, кукол Барби разной степени изношенности, с постоянным голодным блеском в тщательно подведенных глазах. А у них, у тех, ради которых это все, собственно, и затевалось, от такого расклада просто глаза разбегаются, как у детей в супермаркете, и их жадные ручонки тянутся то к одной красивой игрушке, то к другой. Бедняги никак не могут сделать выбор и пытаются ухватить сразу несколько, не заботясь о том, чтобы их удержать. «Игрушки» бьются, ломаются, но кому до этого есть дело?

Нет, я вовсе не решила, что стоит махнуть на себя рукой и превратиться в подобие квашни, но и мучить себя больше не хотела. Главное, я перестала нервничать и комплексовать по поводу своей внешности. Ну, разочарую я кого-то, не понравится кому-то моя грудь третьего размера. Ну и что? Уж если парень готов сделать ручкой только из-за моей пикантной складочки под ягодицей – и флаг ему в руки! И манекенщица – не единственное существо женского пола, достойное счастливой судьбы.

Короче, так мне понравилась моя новая установка, что решила я изложить ее на бумаге. А потом, прочитав то, что получилось, совсем осмелела и оттащила статью в редакцию одной довольно крупной газеты. Когда материал приняли, я даже не сильно удивилась. Написала еще один, и еще, а там все завертелось само собой. Через два года я уже работала штатным корреспондентом в модном женском журнале, а к сегодняшнему дню добралась уже до кресла редактора...

Мысль о кресле вернула меня к реальности. Я все еще продолжала сидеть на полу под столом. Пора бы перебраться на свое законное место, а то, не ровен час, заглянет еще кто-нибудь. Вторая шишка мне совершенно ни к чему. Уже имеющийся шишак здорово болел, кожу щипало, видимо я умудрилась ободрать кожу. Надо глянуть в зеркало и оценить нанесенный ущерб. Встав на четвереньки, я собралась уже было вылезти из своего укрытия, как вдруг дверь в мой кабинет тихонько скрипнула и я торопливо юркнула обратно. Ну что за невезуха? Так и просижу весь день под столом!

Вошедший почему-то не торопился окликнуть меня по имени. Хотя понятно: кабинет маленький и с первого взгляда ясно, что меня как бы нет на месте. То есть я есть, но меня не видно. Господи, чушь какая. Я нагнулась, чтобы посмотреть, кого принесла нелегкая по мою душу, но сумела разглядеть лишь новенькие кроссовки, черные, с блестящими полосками и многозначительной надписью «DEVIL». Кроссовки сначала замерли у порога, потом протопали к моему

столу, остановившись возле самого моего носа. Потом они обогнули стол, и зашли со стороны кресла. А вот это уже наглость! Куда это он? Или она? Да кто их разберет. Кроссовки могут носить и женщины и мужчины, размер не больше тридцать восьмого, что, опять же не вносит никакой ясности в вопрос определения пола странного визитера. Мне страшно захотелось немедленно выскочить из-под стола и посмотреть, что за наглец шарит на моем столе в мое отсутствие – я определенно слышала, как наверху что-то шуршало. Но пока я собиралась, кроссовки хихикнули и засобирались к выходу. С легким стуком захлопнулась дверь. Я осталась одна. Не дожидаясь, пока появится кто-нибудь еще, я, сноровисто перебирая руками и ногами, стала выползать на свет божий. В тот момент, когда моя голова высунулась из-под широкой столешницы, сверху что-то капнуло. Я машинально смахнула каплю и с удивлением уставилась на свою руку – она оказалась перепачканной чем-то красным. Следующая капля красной жидкости шлепнулась на ковровое покрытие рядом с моей коленкой. Я невольно попятилась. Да что здесь происходит, в конце концов?! Больше не желая медлить ни секунды, я пулей влетела из-под стола, вскочила на ноги и свирепо уставилась на него. В следующий момент лицо у меня должно быть вытянулось, я почувствовала, как потихоньку отвисает челюсть, и я вот-вот завизжу, как резаная. Было от чего потерять самообладание: на моем столе, раскинув обмякшие крылья, лежала... дохлая ворона. Ее маленькая,

черная головка с закрытыми глазками и полуоткрытым клювом была запрокинута и держалась на тонком кусочке синеватой кожи. Из глубокой раны на горле капала кровь.

ГЛАВА 2

Вместо того чтобы закричать, я почему-то икнула. Не сводя глаз со свежего трупика несчастной птицы, попятилась назад, наткнулась задом на подоконник, подпрыгнула на месте от страха и опрометью бросилась вон из кабинета, уронив по дороге стул. Выскочив в коридор, я прислонилась спиной к двери и попыталась отдышаться. Испуг сменился злостью. Мне было известно, что наш веселый дружный коллектив обожает розыгрыши, далеко не всегда безобидные, но такое на моей памяти произошло впервые. В том, что это чья-то злая шутка, я не сомневалась. Представив на секунду, что я сделаю с шутником, когда его вычислю, я плотоядно улыбнулась и решительно направилась в конец коридора.

Правило номер раз: если хочешь узнать о том, что творится в редакции, во всех подробностях, отправляйся в «конюшню». Так называется огромная комната, где сидит большая часть сотрудников и происходит непосредственная работа над очередным номером. Название свое она получила за то, что оттуда постоянно доносится дружное ржание коллег, по достоинству оценивших очередную шутку. Они так много смеются, что непонятно, каким образом удается сдавать каждый номер к нужному сроку. Оказавшись в «конюшне» впервые несколько лет назад, я остолбенела, увидев множество людей, снующих туда-сюда вокруг огромного стола, за-

валенного макетами, фотографиями и предметами одежды. Но потом оказалось, что работать в такой обстановке гораздо легче, так как нужный человек всегда находится в пределах досягаемости и тебе не надо бегать весь день по коридорам из кабинета в кабинет.

В данный момент из «конюшни» не доносилось ни звука. Это подтвердило мои дурные предчувствия. Я представила, как они сидят и прислушиваются, надеясь услышать мой дикий вопль при виде «подарка».

Резко распахнув дверь, я влетела в комнату как разъяренная фурия, набрала в грудь побольше воздуха и...

– Тс-с-с! – Замахал на меня руками Витек, призывая к молчанию.

Галка, Маша и Андрей даже головы не повернули в мою сторону. Их горящие восторгом глаза были прикованы к Валере Котову, который в этот момент разговаривал по телефону. Я обратила внимание, что Валера сидит как на иголках, нервно сжимая трубку. Его лицо покрывали красные пятна, а над верхней губой блестели мелки бисеринки пота.

– Ну, понимаете ли, в чем дело... – гудел в трубку Валера, нервно постукивая пальцами по столу, – я, если быть точным, не совсем гей. То есть совсем не гей! – Спыхватился он, затравленно озираясь на притихших в предвкушении развлечения коллег.

– Смотрите, он еще кокетничает! – Прыснул Витек. – Все, брат, попался.

– Кончай скромничать, Котов, – приснула Галка, – тут все свои.

Котов закатил глаза и запустил в нее линейкой.

– Вас неправильно информировали! – Рывкнул он в трубку. – У меня жена, ребенок.

– Ошибка молодости. С кем не бывает. – Тут же вставила Маша, которая, кстати и была той самой женой.

Валера метнул в нее сначала затравленный взгляд, а следом дырокол.

Теперь уже все присутствующие давились от смеха, старательно зажимая рты руками. Маша сползла вниз по стене и вытирала выступившие от смеха слезы, не испытывая ни малейшей жалости к супругу, которого на самом деле просто обожала.

Поскольку тяжелые канцелярские принадлежности на Валеркином столе закончились, он поспешил закончить беседу, нацарапал что-то на клочке бумаги и, под бурные аплодисменты коллег, с облегчением швырнул трубку на рычаг.

Заметив меня, Валера зарычал:

– Это ты, Андрюшка, виновата! Затрахали меня эти голубые!

Хохот коллег перешел в дикое ржание, а я пожалала плечами.

Подумаешь, какой нежный. Конечно, никакой Валера не гей, все его проблемы начались после того, как он, подавшись на мои уговоры, переоделся женщиной и отправился в

женский стриптиз-клуб (справедливости ради надо сказать, что пошел он туда вместе с Машкой, своей женой), а потом описал свои впечатления в статье, которая стала гвоздем номера. Статья имела оглушительный успех, настолько оглушительный, что бедный Валера на несколько месяцев стал предметом всеобщих шуток на тему нетрадиционной ориентации. И это еще полбеды. Главная неприятность заключалась в том, что сами представители этой самой ориентации дружно признали в Валерке своего и теперь одолевали его звонками с самыми разными предложениями, в основном – весьма откровенными.

– Вот черт! – Продолжал негодовать Котов. – Я столько лет стремился к славе, выискивая злободневные темы для своих репортажей, а, оказывается, надо было просто один раз нацепить женское платье.

Он в сердцах сплюнул себе под ноги и выскочил из комнаты, громко саданув дверью о притолоку.

– Достала человека слава. – Сочувственно покачала головой Галка и снова хихикнула. Потом повернулась ко мне и спросила:

– Ты чего такая мрачная? На Валерку обиделась?

– Нет.

– Правильно. Мы его уже совсем достали. – Кивнул Андрей. – Понимаем, что перегибаем, но он так забавно злится.

– Да, пошутить у нас любят. – Прошипела я голосом голодной кобры.

Все уставились на меня с удивлением. Выражение их озабоченных физиономий в данный момент интересовало меня меньше всего. Я была занята тем, что внимательно осматривала их обувь, надеясь обнаружить на ком-нибудь ненавистные черные кроссовки.

– Эй, Андрюшка, что с тобой? Потеряла что-то? Чего ты пол разглядываешь? – Забеспокоилась Машка.

– Я-то? Нет. Зато кто-то другой забыл на моем столе кое-что интересное. – Моя кривая ухмылка растревожила их еще больше.

– Кто-то, что-то... Ты о чем, подруга? – Удивленно спросил Витек, глядя на меня невинными глазами двухмесячного котенка. Я поморщилась. Если честно, не похоже было, что гадкую тушку вороны подбросил мне кто-то из них. То есть, в принципе, это возможно, но интуиция убеждала меня в обратном. Тщательный осмотр обуви ничего не дал, черных кроссовок с дурацкой надписью я не обнаружила. Кроссовки были на ногах у Валеры, но старые и разношенные, когда-то, определено, белые, а теперь... даже затрудняюсь определить, что это был за цвет. Витька тоже щеголял в кроссовках, они даже были черными, но у Витьки – лыжи сорок пятого размера, а мой посетитель имел миниатюрную ступню. Машка терпеть не может обувь с каблуком выше трех сантиметров, так как Валера одного с ней роста и она, как мудрая женщина, не желает задеть его самолюбия, взгромоздившись на шпильки. Но вот беда, Мария носит удобные мокасины из

тонкой замши, они и сейчас красуются на ее стройных ножках. С остальными дело обстояло еще хуже: Андрей с его ботинками «прощай молодость» и неизменные лодочки Галки не подходили совершенно И тот и другой скорее дали бы порезать себя на кусочки, чем согласились хотя бы ненадолго переобуться во что-то другое. Но самое главное – в тот момент, когда мне подсовывали ворону, все они были поглощены Валеркиной беседой с очередным поклонником!

Я немного растерялась.

– Послушайте, я ничего не понимаю. – Пробормотала я расстроено.

– Да в чем дело-то? – Хором воскликнули коллеги.

– Мне подбросили ворону.

– В каком смысле?

– В прямом.

– Живую, что ли? – Заинтересовалась Маша, известная любительница живности.

– Скажешь тоже, живую! – Откликнулся Витек. – Кто-нибудь подsunул нашей Андрюшке игрушечную ворону, очевидно, намек на определенное сходство. Угадал?

Мне захотелось стукнуть его по носу. Очень захотелось. Но я сдержалась. Одному богу известно, чего мне это стоило.

– Отстань от нее. – Вступилась за меня Галка. – Послушай, я только что заходила к тебе и никакой вороны не видела. Тебя, кстати, тоже. Ты где была?

– В кабинете. Под столом. – Призналась я.

– Вот это да! – Присвистнул Андрей. – И что ты там делала?

– Медитировала! – Огрызнулась я. – Ну что ты глупые вопросы задаешь, в самом деле? У меня сережка закатилась под стол, я полезла доставать, в это время зашла Галка. Потом тот, кто подложил мне дохлую птицу...

– Подожди. Ты хочешь сказать, что у тебя на столе лежит настоящая дохлая ворона? – Не поверила Машка.

– Наконец-то дошло! Лежит! Вряд ли она улетела. Можешь пойти проверить, если не веришь.

– Ужас какой! – Всплеснула руками Галка. – Значит, ты сидела под столом, когда я к тебе заходила? А чего не отозвалась?

– Я хотела, но треснулась головой о столешницу...

– Все понятно! – Заржал Витек.

– Что тебе понятно?! – Я развернулась в его сторону. У меня, как уже было сказано, хороший рост, модельный таковой. Поэтому коротышка – Витек съежился, когда понял, что настроена я весьма решительно и замахал руками:

– Ладно, ладно. Чего ты взвилась? Пойдем, посмотрим на твою Синюю птицу.

– Она черная.

– Кто?

– Птица. То есть ворона.

– Тогда это не ворона, а ворон. – Авторитетно заявила Машка, демонстрируя эрудицию.

– Да какая разница? – Витек протиснулся мимо меня и решительно зашагал к двери. Остальные гуськом потянулись за ним. В коридоре мы столкнулись с Валерой. Увидев нашу компанию в полном составе, он спросил:

– Вы куда это собрались с такими решительными рожами? Обед, вроде, уже был, а до конца рабочего дня еще куча времени.

– Ворону смотреть. – Не останавливаясь, пояснила Галка, стараясь не отставать от остальных. Валера пожал плечами и поплелся следом за всеми.

Я благоразумно старалась держаться в самом хвосте, смотреть на ворону еще раз мне совсем не хотелось. Им интересно, пусть смотрят, а с меня хватит на сегодня острых ощущений. Первым за ручку двери взялся все тот же Витек. Слегка замешкавшись, он рванул дверь на себя. При этом он выглядел так, словно ожидал, что на него набросятся десять свирепых ниндзя, но старательно делал вид, что он – Брюс Ли.

Я ожидала какой угодно реакции, но только не того удивленно-растерянного выражения, которое появилось на лице нашего смельчака, когда он медленно обернулся в нашу сторону.

– Ну что?

– Где она?

– Правда, дохлая? – Посыпались на него нетерпеливые вопросы.

– А где ворона-то? – Тихо прозвучало в ответ.

Теперь все уставились на меня, и мне стало весьма неудобно под этими взглядами.

– Как это где? – Выдавила я. – На столе.

– Ее там нет. – Покачал головой Витек.

– Не может быть! Она там была! С нее еще кровь капала прямо на пол! – В отчаянии воскликнула я.

– Можешь сама убедиться. – Пожал плечами парень и приглашающим жестом распахнул дверь пошире.

Мне ничего другого не оставалось, кроме как войти в свой собственный кабинет, ощущая, как в спину с любопытством смотрят заинтригованные коллеги.

То, что предстало перед моими глазами, могло означать одно из двух: либо я сошла с ума либо кто-то решил довести меня до этого состояния. Ее не было. Я осмотрела все углы, даже выглянула в форточку, хотя вряд ли птица с перерезанным горлом способна вылететь в окно. Ворона исчезла. Стол был тщательно вытерт, даже кровь на полу пропала, осталось только едва различимое влажное пятно, почти незаметное на темном фоне покрытия.

Я оглянулась на дверь, в которой столпились коллеги. Они смотрели на меня с сочувствием, как и смотрят, наверное, на сумасшедших. Но я-то нормальная! И ворона мне не помешалась! Но доказывать что-либо в подобной ситуации было бессмысленно. У меня хватило ума это понять.

– Не расстраивайся, Андрюшка! – Дружелюбно произнес-

ла Галка. – С кем не бывает! Ты, наверное, здорово стукнулась, вот и привиделось невесть что.

– Точно. – Подхватила Маша. – Не грузись из-за ерунды. Лучше топай домой, отдохни, а мы тебя в случае чего прикроем. Верно?

– Естественно. – Вразнобой загудели остальные.

Возражать я не стала и, изобразив на лице благодарную улыбку, сгребла со стола сумку и зонт, и вышла из комнаты, предоставив коллегам обсудить сенсационную новость о моем внезапном помешательстве.

Спустившись на первый этаж, я нос к носу столкнулась с Федей Смуровым, нашим гениальным фотокорреспондентом.

– Уходишь? – С улыбкой спросил он.

– Угу.

Я заставил себя улыбнуться в ответ. Элегантный и вежливый Федя мне всегда нравился, но сегодня он был мне особенно симпатичен, так как пока еще был не в курсе приключившейся со мной неприятности. Помахав ручкой и стараясь казаться безмятежной, я чуть ли не бегом рванула к стеклянным дверям холла, опасаясь, что еще немного – и из глаз брызнут слезы.

Прохладный ветерок раннего мая немного отудил мои разгоряченные щеки и высушил не успевшие пролиться слезы. Мне было обидно. Теперь, после этой дурацкой истории, на меня будут показывать пальцем, и шушукаться за спиной:

«Это Андрюшка, ну, та самая, которая...». Мне стоило таких трудов пробиться на то место, которое я занимала сейчас, заставить себя уважать, считаться с моим мнением. И вот все пошло прахом! В одно мгновение я стала всеобщим посмешищем! Кто же мне так удружил? Кому я успела насолить настолько, что он задумал поквитаться со мной таким жестоким способом. К сожалению, я не могла сказать, что у меня совершенно не было врагов. Они были, но я даже представить себе не могла, что среди них есть настолько изобретательные.

ГЛАВА 3

Ноги сами несли меня по знакомому маршруту, в то время как мысли находились где-то далеко. Я перебирала в памяти все неприятные ситуации, которые время от времени случались со мной в течение последнего года, надеясь наткнуться таким образом на того человека, который решил расписаться со мной при помощи злого розыгрыша. Занятая своими мыслями, я вздрогнула, когда почувствовала, как кто-то настойчиво тянет меня за рукав. Оглянувшись, я увидела смуглую черноглазую женщину в плюшевом жакете и длинной, волочащейся по грязному асфальту юбке, состоящей из целого вороха ярких прозрачных слоев, щедро расшитых люрексом. На запястьях позванивали тонкие браслеты. Взгляд зацепился за один, не похожий на другие – золотую змейку с блестящими рубиновыми глазами. Странное украшение сразу обращало на себя внимание. Спутанные, давно нечесанные волосы цыганки развевались на ветру, глаза пристально вглядывались в мое лицо. Одной рукой с кроваво-красными, длинными ногтями, она намертво вцепилась в рукав моей куртки, давая понять, что просто так от меня не отстанет.

Чтобы отвязаться, я быстро сунула руку в карман, достала горсть мелочи и, не считая, протянула цыганке. Она сцапала деньги, и они мгновенно исчезли где-то среди необъятных складок ее пестрой юбки. По логике вещей, теперь она

должна была оставить меня в покое, но не тут-то было. Гадалка оказалась на редкость ответственной и рвалась отработать гонорар, несмотря на мои горячие возражения.

– Ох, беда тебя ждет, красавица! – Заголосила она на всю улицу. – Большая беда!

Однако! Странная у этой цыганки манера работать с клиентами.

Насколько мне известно, обычно, вытянув деньги, ее товарки принимают сулить доверчивым прохожим горы золота и море удовольствий. А эта пугать меня вздумала. Может, я ей мало заплатила?

– Можете не продолжать, спасибо. – Торопливо прервала я ее излишняя, так как заметила, что на нас стали обращать внимание проходившие мимо люди. Чем-чем, а вниманием, особенно, нездоровым, я была сегодня сыта по горло.

– Не гони меня! Слушай! – Не унималась бестия. – Не связывайся с темными силами. Держись подальше от бесовщины! Себя погубишь! Судьбу погубишь! Любовь свою потеряешь!

– Мимо, тетенька! – Усмехнулась я. – Любви-то как раз и нету. Так что терять мне по ходу нечего.

Цыганка даже поперхнулась от моей наглости. А я, воспользовавшись ее замешательством, выдернула из ее цепких лапок свой рукав и бросилась через дорогу, плюнув на то, что горел красный свет.

– Откажись! Пожалеешь! – Неслось мне вслед.

Я сердито оглянулась на нее, и в этот момент в ушах раздался визг, вой, в бок что-то ударило, да так сильно, что я взлетела на воздух. Мягким ли было приземление – сказать не могу, так как потеряла сознание еще в полете.

Очнувшись, я никак не могла сообразить, где нахожусь. Мне было жестко и холодно, а прямо перед носом маячили чьи-то давно нечищенные ботинки. Впрочем, они были не одни – множество ног, обутых кто во что горазд, топталось возле моей головы. Я сразу же вспомнила черные кроссовки и все, что со мной случилось сегодня, и попыталась приподняться. Не могу сказать, что это удалось мне с первой попытки, но, в конце концов, удалось. Тем более, что мне помогали чьи-то руки. Ощущение было такое, как будто в моей голове находится фарфоровая ваза, которую я только что разбила на множество острых осколков.

– Девушка, вам плохо? – Донесся до меня чей-то голос. Я посмотрела на свою испачканную одежду, порванные колготки и поцарапанные руки и решила, что ответить «хорошо» в данном случае будет не совсем корректно.

– А что со мной случилось? – Спросила я.

– Вас сбила машина. – С готовностью пояснила какая-то старушка с большим пакетом, из которого торчал ярко-зеленый пучок лука.

– Негодяй! – Возмущенно подхватила другая – элегантная дама с голубыми волосами. – Он даже не затормозил, когда бедная девочка стукнулась о его поганую тачку!

– А номер никто не запомнил? – Поинтересовалась я, не особенно рассчитывая на успех. Оказалось, что предчувствия меня не обманули. Сочувствующие смущенно молчали.

– Все так быстро произошло. – Начала оправдываться молоденькая девушка с рюкзачком.

– Там и запоминать было нечего. – Хмуро объявил хозяин нечищенных ботинок – высокий парень с бритым затылком. – Номера грязью заляпаны, как нарочно.

«Может и в самом деле нарочно» – Подумала я, и эта мысль заставила меня поежиться.

– А машина – обыкновенная. Жигули, «шестерка». Светлая. – Продолжал парень. – Только без номеров ее не найдешь. В милиции сразу завернут, лучше даже и не соваться. Тем более, что ты, кажется, в порядке, только покоцаная немного.

Парень подхватил меня под мышки и одним рывком поставил на ноги.

Я пошатнулась, но устояла.

– Идти сможешь? – Спросил он.

– Наверное. – Я нервно сглотнула, борясь с приступом тошноты.

Голова немного кружилась. – Спасибо. – Кивнула я окружившим меня людям и, осторожно переставляя ноги, побрела к своему дому.

– Эй, может проводить тебя? – Окликнул парень. Я, не

оборачиваясь, покачала головой.

Метров через сто я уже пожалела о своем поспешном решении.

Помощь мне бы не помешала, так как голова кружилась отчаянно, и со стороны меня вполне можно было принять за пьяную. Похоже, впечатление на прохожих я производила не самое лучшее: они шарахались от меня во все стороны, как от бультерьера без намордника. Я на них не обижалась – видок у меня был еще тот: грязная, исцарапанная, с мутными глазами и растрепанными волосами. Если бы могла, то припустила бы к дому бегом – он был совсем рядом с дорогой – да вот беда, ноги меня не слушались, поэтому я брела еле-еле, борясь с желанием прилечь в придорожных кустиках на полчасика.

Мое восхождение на второй этаж можно было смело сравнить с покорением Эвереста. Три лестничных пролета показались мне в тот момент заоблачной вершиной, для преодоления которой понадобится все альпинистское снаряжение. Цепляясь за перила, я кое-как вползла на площадку второго этажа, и устало прислонилась к стене рядом с дверью и прикрыла глаза, ощущая, как все тело ноет от боли. Что касается головы, то в данный момент я ее вообще не ощущала, как будто ее и не было вовсе, а вместо нее на плечах покачивался воздушный шарик, который грозил с треском лопнуть от любого неосторожного движения.

Минут через пять мне стало немного лучше, дрожащими

пальцами я открыла сумочку, чтобы отыскать ключи. Даже в самые лучшие времена мне редко удавалось проделать это с первой попытки, видимо, в этот раз дела обстояли гораздо хуже, так как нащупать связку никак не получалось. Тяжело вздохнув, я присела на корточки, обреченно вывалила все содержимое прямо на грязный пол и тупо уставилась на пеструю кучку у своих ног. Чего там только не было! Записная книжка, упаковка «Тик-так», две ручки, обгрызенный карандаш, носовой платок, куча визиток, расческа и много чего еще. Самым большим открытием оказался тюбик помады «Vougejois», который я объявила без вести пропавшим еще месяц назад. Были и другие открытия. Единственное, чего там не было – это искомой связки ключей с брелком-кисточкой! Не веря своим глазам, я еще раз перебрала всю кучку, потом перевернула сумочку вверх дном и потрясла ее, уже понимая, что ключей там нет. Проверила карманы на всякий случай, хотя точно знала, что не имею привычки таскать ключи в верхней одежде.

Когда вытряхивать и проверять стало нечего, я смирилась с тем, что придется прибегнуть к последнему средству под названием «дядя Яша». Прибегать к нему не хотелось, так как была большая вероятность, что «средство» в данный момент находится в глубокой отключке. Дело в том, что дядя Яша, слесарь нашего ЖЭКа с золотыми руками, любил выпить, точнее – очень любил. В периоды относительной трезвости он мог играючи починить любой агрегат бытовой тех-

ники, какой угодно сложности. За это благодарные жильцы исправно снабжали Яшу «горючим». Дядя Яша редко напивался до свинского состояния, зато весь день пребывал в фазе «легкого опьянения» Уже к полудню он заливал в организм нужное количество «топлива» и затем весь день поддерживал ровное горение, почти автоматически, когда надо, добавляя необходимое количество «горючего». Но иногда у него все же случались запои и, насколько мне было известно, именно это и произошло не далее как вчера вечером. Теперь дня три к дяде Яше лучше не соваться, бесполезно. Но, с другой стороны, как же мне попасть в свою квартиру? Я с тоской посмотрела наверх – Шолоховы жили на четвертом. Идти или нет?

И тут впервые за сегодняшний день удача повернулась ко мне лицом. Где-то на верхних этажах хлопнула дверь, послышались тяжелые шаги. Кто-то спускался по лестнице. Увидев дядю Яшу, я просто глазам своим не поверила: он был ужасно зол, но трезв как стеклышко! От радости я даже забыла об осторожности – в таком состоянии дядя Яша запросто мог послать меня в пешее эротическое путешествие, не потому, что плохо ко мне относился, а просто под горячую руку.

– Дядя Яша! – Робко позвала я.

– Кто это? – Он подслеповато сощурился. – А, Рюшка. Ты чего на лестнице разлеглась?

– Меня машиной сбilo, дядь Яш, болит все. – Попробовала я давить на жалость, заискивающе улыбаясь.

Дядя Яша равнодушно кивнул, но сочувствия не выразил.

– А почему под дверью валяешься? Домой иди, помойся, что ли, а то грязная как свинья. – Пробурчал он, осторожно переступая через мои ноги и собираясь спускаться. Надо было хватать быка за рога, пока он не ушел.

– Дядя Яша, – пискнула я, умоляюще глядя в сутулую спину, – я ключи от дома потеряла. Вы мне не поможете?

– Внимательнее надо быть. – Проворчал он, не останавливаясь. – Носитесь как угорелые, а потом жалуетесь.

– Дядя Яша, у меня «Гжелка» есть. Помогите, а? Вам же это раз плюнуть. – Забросила я приманку.

Спина замерла. Лысая голова с торчащими над ушами двумя пучками седых волос медленно повернулась в мою сторону.

– Сколько? – Спросил он отрывисто.

– Две бутылки.

Красноватые глаза дяди Яши расширились и снова сузились, в них появился интерес.

– Это хорошо. – Кивнул он, поднимаясь обратно на площадку. – А то вчера посидели с друзьями, отметили день победы, а сегодня голова трещит, мочи нет. Нюрка моя уперлась – не дам, говорит, денег на опохмелку, и все тут. Эх!.. – Он не договорил, красноречиво махнув рукой.

Мне все стало ясно. Дядя Яша никогда не испытывал недостатка в любимом напитке, но, похоже, его вчерашние собутыльники уничтожили подчистую все запасы и дядя

Яша остался на мели. Сей печальный факт сослужил мне добрую службу. Уже через пять минут моя дверь была открыта. Не веря своему счастью, я ввалилась в прихожую, включила свет и сразу же увидела свои ключи на столике под зеркалом. Фиолетовая кисточка свешивалась вниз и тихонько покачивалась.

Дядя Яша тоже заметил ключи.

– Эх, ты, Маша-растеряша. Захлопнула дверь, а ключи прихватить забыла. И о чем вы, молодые, только думаете? – Пожурил меня мой спаситель. В предвкушении скорого избавления от похмелья дядя Яша находился в приподнятом настроении.

Скинув туфли, я босиком прошлепала в большую комнату, достала из бара обещанную награду и передала ее умельцу.

– Ну, спасибо, Рюша, выручила! – Расплылся в улыбке дядя Яша, бережно, точно новорожденных близнецов, прижимая к груди бутылки. – Ты обращайся, если что. Я для тебя – всегда пожалуйста!

Закрыв дверь за дядей Яшей, я обернулась и хмуро уставилась на безмятежно покачивающуюся фиолетовую кисточку. Не могу сказать, что отличаюсь какой-то особенной аккуратностью, но забыть ключи, уходя из дома, я никак не могла. В новой квартире, куда въехала совсем недавно, в двери имеется два замка. Один можно просто захлопнуть, но второй открывается и закрывается только ключом. Я точно пом-

нила, что, как обычно, запирала утром дверь на два замка. Тогда как ключи оказались в прихожей? Мистика какая-то. Я подняла глаза, посмотрела на свое отражение и слабо охнула. Боже мой, на кого я похожа! Длинные светлые волосы побурели и слиплись от засохшей грязи и торчали во все стороны ежиными колючками. Куртка была в ужасных разводах от начинающих подсыхать мокрых пятен, сквозь прореху в колготках виднелась кровоточащая ссадина. Лицо было бледным и испуганным, на лбу выросла-таки шишка. От такой удручающей картины я позабыла на время о таинственных перемещениях ключей, испытывая только одно желание – МЫТЬСЯ!

После душа значительно полегчало и в голове немного прояснилось. Обмотав голову розовым махровым полотенцем, я решила закрепить результат, угостив свой измученный организм чашкой крепкого чая с лимоном. С этой целью я отправилась на кухню, предвкушая удовольствие. Заодно я собиралась поразмыслить над тем, что со мной произошло. Так уж повелось, что непонятные моменты в жизни меня не пугали, вызывая только здоровое любопытство и жгучее желание разузнать: откуда ноги растут у очередной головоломки. Правда, справедливости ради, должна заметить, что настолько необычных происшествий со мной до сих пор не случалось. И это при том, что я еще не представляла, насколько они необычные!

Обстановка прояснилась, когда я оказалась на пороге сво-

ей маленькой, но чрезвычайно уютной кухни. Замерев, как истукан, я почувствовала, как челюсть и глаза медленно, но верно, расползаются в противоположные стороны. Челюсть, соответственно, стала отвисать вниз, а глаза полезли на лоб. Зрелище было впечатляющее... На моем чистеньком кухонном столе, на розовой скатерти аккуратно стояла... пара черных кроссовок! Тех самых, с дурацкой надписью. Бьющее в окно солнце отражалось в параллельных полосках и вокруг кроссовок разливалось сияние наподобие нимба. Шок быстро прошел, я сплюнула с досады, подскочила к столу и одним движением смахнула эту гадость на пол, как будто передо мной была не безобидная обувка, а мерзкие, усатые тараканы, которых, к слову сказать, на моей кухне отродясь не водилось. Впрочем, и чужих кроссовок на своем столе я раньше как-то не замечала. Обувка со стуком упала на пол, один ботинок отлетел под раковину. Я пиннула ногой второй и он последовал за своим братом. Разбушевавшись не на шутку, я сдернула со стола скатерть, на которой остались грязные следы обуви, скомкав ее, отнесла в ванную и затолкала поглубже в корзину с грязным бельем, со стуком захлопнув крышку. После этого вернулась на кухню, включила электрочайник и плюхнулась на табуретку.

И кто же это меня так сильно невзлюбил? Дохлая ворона, цыганка, машина, ключи и эти мерзкие кроссовки. Похоже, дело серьезное. С одной стороны, радовало, что я не сумасшедшая, но, с другой стороны, мало приятного в том, чтобы

иметь такого изобретательного и наглого недоброжелателя. История с ключами прояснилась сама собой – пока я выясняла отношения в «конюшне», их спокойно мог забрать из сумочки тот, кто убрал из кабинета мертвую птичку. Сумка валялась на столе и сделать это было несложно. Тот, кто проделал все это, должен был хорошо знать меня, по крайней мере – мой новый адрес. Хм, его знали все на работе, а это, без малого – три десятка человек.

Раздался щелчок, вскипел чайник. Продолжая размышлять, я достала чашку, бросила в нее пакетик «Ахмада» и залила крутым кипятком. Кто же и, главное, почему затеял со мной эту игру? Кому я так уж насолила? Ведь, если только это не совпадение, меня хотели убить! То, что машина только задела меня, не причинив серьезного ущерба, могло оказаться случайностью. Хотя случайностью могла быть и сама машина. Вырвавшись от цыганки, я неслась через дорогу, сломя голову и могла просто не заметить этот несчастный жигуленок, а он не успел затормозить...

Последний вывод немного утешил меня. Мне как-то не хотелось думать, что за мной охотится убийца. Правда, все остальное выглядело немногим лучше. Нет никакой гарантии, что тот, кому попали в руки мои ключи, не сделал заодно их слепок, чтобы продолжать вытворять свои псевдомистические штучки. Я представила, как, проснувшись ночью, могу обнаружить возле своей кровати какое-нибудь «привидение» и заранее содрогнулась. Сейчас от такой перспекти-

вы совсем не страшно, но спросонок можно и зайкой на всю жизнь остаться.

Обжигаясь, я глотнула крепкий горячий чай, и мысли мои приняли совсем другое направление.

ГЛАВА 4

Вспоминать людей, с которыми так или иначе приходилось конфликтовать, не самое приятное занятие. Неважно, кто из вас вышел победителем. При любом исходе остается неприятный осадок от самой ссоры и самое лучшее, что можно сделать в данном случае, это как можно скорее выбросить из головы эти воспоминания. Нельзя сказать, что я часто лезла на рожон, и меня задевать решался далеко не всякий – в тех редких случаях, когда дело доходило до прямой пикировки, мне удалось убедить потенциальных обидчиков, что мне на язык лучше не попадаться, гораздо безопаснее заняться шпагоглотанием.

Тем не менее, как это ни печально, после долгих размышлений, я могла с уверенностью назвать трех человек из числа моих коллег, у которых были все основания затеять эту грязную игру.

Галка – номер первый. В целом мы с ней даже приятельствовали и ссор у нас не случалось, но мне было доподлинно известно, что она жаждала попасть в редакторское кресло, которое сейчас занимала я. Когда появилась эта вакансия, Галка сделала все возможное и невозможное для осуществления своего горячего желания, даже провела уик-энд с нашим учредителем по настоятельной просьбе с его стороны. Понять, что это был за подвиг, может только тот, кто

видел этого господина воочую: низкорослый, толстый тип с намечающейся лысиной, сальными волосами и глазками, и дурными манерами, которые не могла компенсировать даже дорогая упаковка в виде эксклюзивного костюма и последней модели БМВ. Идя на этот шаг, Галка нарушила главное правило коммерции: не делай предоплату, если не уверен в партнере. Спроси она вовремя моего совета, я так бы ей и сказала, но Галка сделала по-своему, за что и поплатилась. Учредитель кинул ей подлянку, подписав на следующее после незабываемого уик-энда утро приказ о моем назначении. Сказать, что Галка была расстроена – это значит ничего не сказать. Она не стала обвинять меня, не сказала даже слова упрека, так как прекрасно знала, что я тут совершенно ни при чем, но обиду затаила, и наши отношения после этой истории стали гораздо более прохладными.

У Галки был мотив. Но в исполнители она не годилась, на мой взгляд. Во-первых, категорически отпадала вероятность того, что она проделала все это собственноручно. Галка панически боялась всякой живности, даже собак и кошек, а дохлая ворона и подавно могла привести ее в состояние комы. Кроссовок она не носила никогда в жизни, только модельную обувь, да и вообще, она была на глазах, когда кто-то предусмотрительно убрал ворону из кабинета. Можно, конечно, предположить, что у Галки был сообщник, но что-то мне подсказывало, что она здесь ни при чем.

Другой кандидат имел не меньше, а, может, и больше ос-

нований для того, чтобы меня ненавидеть. Фантазии ему было не занимать, да и подельников найти – не проблема, так как второго и третьего кандидата можно было объединить в одно целое – они были мужем и женой.

Но лучше все по порядку. Валера и его жена Маша появились в нашей газете всего три года назад. Тогда я еще не знала, что Валера – неисправимый бабник, который не может пропустить ни одной юбки. Его жена была в курсе слабостей благоверного, но, так как многочисленные интрижки не угрожали семейному счастью (Валере и в голову не приходило уйти от жены и двоих детей), то делала вид, что ничего не замечает. Когда этому Дон-Жуану местного разлива пришлось в голову приволокнуться за мной, я попыталась вначале мягко объяснить ему, что он несколько не в моем вкусе и тем самым вернуть его в лоно семьи. В лоно Валера не захотел, а мои отговорки расценил как женское кокетство, в силу чего удвоил и без того не слабый напор. Терпение – не самая моя сильная черта, поэтому, когда он в очередной раз затянул свою песню, выказывая явное желание перейти от слов к делу, оно, то есть, терпение, у меня лопнуло. В тот момент мы были в офисе одни, и мне пришлось применить подручные средства, чтобы мой отказ звучал более убедительно. Мои доводы, подкрепленные металлической линейкой, на этот раз возымели действие. Валера отвязался, но поклялся отомстить за поруганное мужское достоинство.

В чем заключалась его месть, я узнала на следующее же

утро, когда вошла в «конюшню». Столпившиеся вокруг Валеры мужики из нашей редакции, при моем появлении дружно замолкли и уставились так, словно я пришла на работу в лифчике и подвязках. В полнейшей тишине продолжал звучать только голос Валеры. Пока я вешала в шкаф свое пальто, я успела убедиться, что героиней эротико-порнографического рассказа этого типа являюсь я сама. У меня в глазах потемнело от красочного описания того, что мы с Валерой якобы делали вчера на столе, под столом и так далее. Аккуратно закрыв шкаф, я, с трудом удержавшись от того, чтобы не придушить на месте наглого вруна, нарочито медленно подошла к зеркалу и принялась делать вид, что поправляю макияж. В зеркале отражались вытянутые лица коллег, которые, кажется, перестали дышать от предвкушения развязки.

Валера говорил долго, добавляя все новые подробности. Наконец и он иссяк. Торжествующее выражение на его лице сменилось некоторой растерянностью. Он не мог взять в толк, почему я не убегаю в слезах и не пытаюсь опровергнуть его слова. И тут, когда в комнате, наконец, повисла пауза, настал мой час. Негромко, как будто бы про себя, но отчетливо, я произнесла, не оборачиваясь:

– Боже мой, детородный орган – не больше мизинчика, а уж разговоров-то...

В полнейшей тишине я прошла к двери и вышла в коридор. Через секунду за дверью раздался дикий хохот. Я поняла, что все рассчитала правильно. Не знаю, как на са-

мом деле выглядел предмет его гордости, но сомневаюсь, что он решился бы представить доказательства моей неправоты немедленно. А может быть, я попала в самую точку. Так или иначе, после этой стычки Валера вот уже несколько лет зеленел при одном взгляде на меня. Шутки на эту тему прекратились только после того, как он написал статью про мужской стриптиз...

Самое странное, что гораздо больше Валеры на меня ополчилась Машка, его жена, хотя, казалось бы, она должна была испытать облегчение, ведь ей была известна правда о наших с Валерой отношениях. Но она так сильно любила своего непутевого муженька, что восприняла нанесенную ему обиду более остро, чем он сам...

Я вспомнила, что в то время, когда я была в «конюшне», Валера выходил, вроде как покурить. Чем он занимался на самом деле – непонятно. Вполне может быть, что наводил «порядок» в моем кабинете.

И все-таки, несмотря на то, что эта версия выглядела весьма правдоподобно, мне казалось – концы с концами не слишком сходятся. Взять, к примеру, цыганку. Для чего она? Что означают ее безумные угрозы и проклятия? Если бы встреча с этим живописным персонажем произошла сама по себе, я могла бы поверить в то, что она просто помешанная, хотя браслет-змейка на ее руке был слишком дорогим для сумасшедшей оборванки. И, тем не менее, я бы поверила. Если же она – часть неведомого мне плана, то ее появление бы-

ло не случайным. Опять же, ворона – это же чистый фетиш, атрибут какого-нибудь мистического триллера с кровавыми жертвоприношениями. Вот уже второй раз за сегодняшний день я вспоминаю это слово – мистика. А ведь и правда, в этом что-то есть. Мне показалось, что я нащупала в темноте какую-то ниточку, за которую стоит ухватиться. Мистика... Мистика... Ну конечно же! Кибиткин! Как я могла забыть про него! Вот почему в голову все время лезет эта мистика.

История с Кибиткиным была не менее запутанной и таинственной, чем биография этого модного нынче писателя. Звезда его славы зажглась слишком ярко и чересчур поздно, чтобы не стать предметом пристального внимания дотошных журналистов. Но тут всех нас, жаждущих заполучить сенсацию для первой полосы, ждал большой облом: Кибиткин жил затворником, и интервью не давал! Никому и ни за какие деньги. Легко представить себе всеобщее разочарование. Читатели заваливали редакции мешками писем с просьбой поведать им о новомодном кумире, шлепающем свои ледяные кровь истории одну за другой, на радость своим поклонникам. А в редакциях только разводили руками и кусали локти – раздобыть что-нибудь об этом персонаже оказалось делом практически невозможным.

Впрочем, кое-что все-таки было известно. Но эта, известная часть еще больше интриговала и читателей и журналистов. Дело в том, что из прожитых шестидесяти лет пятьде-

сят шесть Кибиткин был самым обыкновенным человеком. Он не то, что книг не писал, он даже десятилетку не осилил – ограничился восьмью классами. Работал, кажется, на заводе, После перестройки его, как и многих, сократили. Он, естественно, запил ипил горькую до тех самых пор, пока вдруг, в одночасье не решил написать роман, да еще с мистическим уклоном! Говорят, что это решение особенно сильно напугало его жену, безропотно терпевшую все его мытарства и пьянки много лет. Бедная женщина решила, что муженек спятил на почве, так сказать, злоупотребления. Да и как же иначе, если он всю жизнь даже фамилию свою писал с ошибками. Верная жена, пытаясь спасти мужа от насмешек, пилила его денно и ночно, до тех пор, пока он в один прекрасный день не исчез. Где господин Кибиткин провел последующий год – неизвестно. Только всплыл он уже знаменитым автором нескольких бестселлеров, которые печатались огромными тиражами и раскупались почище гамбургеров в Макдоналдсе. Одно весьма солидное издательство, заполучившее в свое полное распоряжение этого уникама, носилось с ним как курица с золотым яйцом. На Кибиткине делались огромные деньги, он стал признанным лидером всевозможных рейтингов, и все писал и писал, выдавая в год по десятку новых книжек. Теперь он жил в собственном особняке за городом, в издательстве лично не появлялся. Рукописи привозила его секретарша, она же по доверенности оформляла все документы. Кто занимался бытовой стороной жизни ге-

ниального отшельника? Еще одна тайна за семью печатями.

Некоторые поговаривали, что он продал душу дьяволу, но лично я в это не верила. Во-первых, само существование этого гения зла вызывало у меня сильные сомнения, а, во-вторых, как-то не верилось, что столь масштабная личность как Мефистофель могла польститься на жалкую душонку полуграмотного разнорабочего, каковым и являлся Кибиткин до своего неожиданного взлета.

Клубящиеся вокруг писателя-невидимки слухи не давали мне покоя довольно долго. У всех остальных давно опустились руки, но мне приспичило провести свое собственное расследование. Ну не верилось мне, что нет никакой возможности раскопать правду про чудо-писателя. А в том, что эта правда окажется сенсацией, я ни минуты не сомневалась. В нашей редакции меня отговаривали от этой безнадежной затеи, но я продолжала стоять на своем. Мое упрямство, как обычно, не довело до добра. Разговор с женой Кибиткина, Нелей, закончился ничем. Она мгновенно раскусила мои намерения и просто выгнала за дверь, как приبلудившуюся дворнягу, крича на весь подъезд зычным голосом с сильным украинским акцентом всякие неприятные замечания лично в мой адрес и в адрес всей журналистской братии.

Это произошло несколько дней назад. И надо же было такому случиться, что именно в тот момент, когда я, точно побитая собака, вернулась в редакцию, чтобы зализать раны, до меня докопалась Галка и принялась настойчиво расспра-

шивать, как продвигаются дела с Кибиткиным и скоро ли будет готов обещанный материал. Я была в сильно расстроенных чувствах, и у меня помимо воли вырвалось: «Все просто отлично! Его жена мне тако-о-ое сказала!» Галкины глаза округлились, и она выскочила из комнаты, прежде чем я успела объяснить, что на самом деле имела в виду те эпитеты, которыми меня наградила эта темпераментная женщина. Потом я собралась, конечно, объяснить все впечатлительной секретарше, но руки так и не дошли и, похоже, что моя нерасторопность вышла мне боком. На кого-то моя неосторожная фраза произвела неизгладимое впечатление...

Самое обидное, что на самом-то деле я ничегошеньки не знаю, ну просто ни на шаг не приблизилась к этой тайне, будь она трижды неладна, а меня уже едва не убили и напугали до полусмерти. С другой стороны, если кто-то, кем бы он там ни был, так боится за сохранность этой тайны, то она, должно быть, стоит того. И я, раз уж меня все равно подозревают, должна выяснить, что это за тайна. Если, конечно, раньше меня не прикончат, как ту ворону.

ГЛАВА 5

Все важные дела нужно начинать с утра, за редким исключением. Полностью согласная с этим утверждением, я накануне преспокойно улеглась спать. Впрочем, «преспокойно» – это слишком громко сказано. Перед тем как отправиться в кровать, я дважды проверила запоры на двери и установила фиксатор на верхнем замке. Но и этого мне показалось мало. Поэтому я приволокла из кухни табуретку, пододвинула к двери, а сверху установила старый медный тазик, который пару лет назад купила на блошином рынке, намереваясь варить в нем клубничное варенье. До варенья дело так и не дошло, но тазик все же пригодился. Прежде чем решиться использовать его в роли сигнализации, я для робы грохнула его об пол. От гулкого звона и грохота у меня заложило уши, и я торопливо водворила этот «царь-колокол» на место.

Ночь прошла спокойно, никто не пытался прорваться через мою самопальную баррикаду, так что я прекрасно выспалась. На всякий случай я все же первым делом осмотрела квартиру на предмет появления в ней посторонних предметов весьма неприятного вида. Ничего не появилось. Это подтвердило мою уверенность в том, что давешние «чудеса» не имеют к мистике никакого отношения, все это дело рук человека. А раз так, то моя задача вывести этого шутника на чистую воду. План я разработала еще вчера. Он был прост на

первый взгляд, но я старалась не думать о том, что на второй – он практически невыполним.

Я решила снова вернуться к Неле Кибиткиной и заставить ее рассказать мне правду о ее муже. Я почему-то не сомневалась в том, что правда ей известна. В силу того, что настроена я была весьма решительно, у меня была надежда, что женщине придется быть со мной откровенной. Журналистские амбиции тут ни при чем, но раз кто-то решил проверить меня «на слабо», ему придется пожалеть о своей неосторожности. Я таких проверок не люблю.

Жила супруга Кибиткина в отдаленном районе, на улице летчика Бабушкина. Москва – огромный город и, несмотря на то, что прожила я в нем уже несколько лет, этот район был мне совершенно незнаком. Поэтому, как и в прошлый раз, пришлось воспользоваться такси. Не успела я поднять руку, как рядом тормознула чумазая «копейка», страшно подумать, какого года выпуска. Меня всегда интересовал вопрос, почему большинство бомбистов передвигаются на старых отечественных автомобилях? Специально они их покупают, что ли? Нет, ну правда, если удастся поймать какую-нибудь иномарку, то ее владелец, скорее всего, останется глух к твоим мольбам отвезти тебя по нужному адресу и наверняка предложит свой маршрут, конечный пункт которого окажется весьма далек от первоначального. Машинально я отметила, что из этого, если хорошенько разобраться, может получиться симпатичная статейка. Потом мысли переключились

на предстоящую операцию. Неразговорчивый водитель с седым стриженным затылком остановил машину напротив стеклянного павильона, с вывеской, оставшейся еще со времен развитого социализма, и я поняла, что мы приехали. Места я узнавала слабо, но спорить с хмурым шофером побоялась, протянула ему сто рублей, как договаривались, и нехотя выбралась из теплого салона на холодный ветренный тротуар.

От кучки серых пятиэтажек меня отделял широкий газон сырой земли с едва пробивающейся зеленой травкой. С такого расстояния разглядеть название улицы, написанное на белой табличке, висящей на серой стене, было невозможно. Я хорошо помнила, что Неля жила в трехэтажной сталинке, ничего похожего пока не наблюдалось, оставалось надеяться, что нужный дом отыщется где-то в глубине района. В прошлый раз мне повезло больше – водитель подвез меня прямо во двор, желая блеснуть своим великолепным знанием города. Но то было в прошлый раз. Сейчас придется действовать самостоятельно. Отыскав протоптанную тропинку, я, подбадривая себя на ходу, двинулась по направлению к хрущевкам.

Мне повезло, искать долго не пришлось. Едва завернув за угол, я увидела знакомый дом, покрытый выцветшей розовой штукатуркой. Откуда-то справа доносился гвалт детских голосов. Так и есть, там должна быть школа. А вот и маленький продуктовый магазин, расположенный на первом этаже Нелиного дома.

Во дворе имелся крошечный скверик, который произвел на меня впечатление еще в прошлый раз. Окруженный ажурной оградой, с деревянными скамейками и стильными фонарями на тонких ножках, высившимися среди старых развесистых лип, покрытых светло-зеленой дымкой молодой листвы, скверик когда-то выглядел как картинка. Сейчас впечатление испортили наваленные большой кучей ржавые трубы и старые доски, которые кто-то свалил почти в самом центре, наплевав на эстетику. Странные мы стали: гадим у себя под носом, портим то, что должно радовать глаз и при этом причитаем, как хорошо жить на Западе. Конечно, хорошо, они там тротуары с шампунем моют, а мы превращаем свои дворы в свалку.

Почему-то настроение испортилось. Войдя в подъезд, я поднялась по широким ступеням на второй этаж и остановилась перед дверью квартиры с номером двадцать три. Еще в прошлый раз я обратила внимание, что эта дверь, в отличие от остальных, совсем новая, как это сейчас принято – металлическая, но обшитая натуральной кожей светло-бежевого цвета. Эти наблюдения заставляли прийти к выводу, что Неля, хоть и была брошенной женой, но в средствах не нуждалась. Я предварительно навела справки о ней, еще тогда, в первый раз. Выходило, что Неля звезд с неба не хватала, всю жизнь работала санитаркой в больнице, а в последние годы вообще нигде не работала. Откуда у нее деньги на такую дверь, оставалось только догадываться. Одна из моих

догадок заключалась в том, что деньгами ее снабжал бывший муж. Такая щедрость выглядела несколько подозрительно, но у Кибиткина могли быть свои резоны так поступать. Например, он мог платить Неле за молчание.

Решительно надавив на красную пуговку звонка, я прислушалась, ожидая услышать трель в квартире, но было тихо. Вообще-то, это ничего не означало, если у нее хорошая звукоизоляция, то я могу и не услышать того, что происходит внутри квартиры. Как назло, я не могла вспомнить, слышала ли я звонок в прошлый раз, короткая, но яркая стычка с хозяйкой напрочь стерла из памяти остальные подробности. Звонил звонок или нет, но открывать мне дверь никто не спешил. Наверное, посмотрела в глазок и делает вид, что ее нет дома. Я надавила снова и держала палец на кнопке немного дольше, давая понять, что просто так не уйду. Не сводя глаз со стеклянной линзы дверного глазка, я заметила метнувшуюся в нем тень, но из-за двери по-прежнему не доносилось ни звука. Возможно, тень мне просто померещилась. На всякий случай я позвонила еще раз, изо всех сил напрягая зрение и слух. Никакой реакции. И что же теперь? Дверь, что ли, ломать? Я со злостью пнула бежевую обивку. Забыла, что под мягкой кожей железо и здорово ушибла ногу, но почти не обратил на это внимания, так как увидела, что дверь медленно отворяется.

– Здравствуйте! – Сказала я тому, кто, по моему мнению, стоял за дверью, старательно демонстрируя вежливость. По-

думала еще и решила добавить приветливую улыбку.

Но моих стараний никто не оценил, я по-прежнему стояла с идиотской улыбкой перед полуоткрытой дверью, из которой никто не показывался. Улыбку пришлось срочно сворачивать и брать инициативу в свои руки. Что я и сделала, осторожно подтолкнув дверь рукой. Она приоткрылась пошире, но хозяйева как сквозь землю провалились. В коридоре было темно, и, как я ни таращила глаза, разглядеть ничего не смогла. Путь был свободен, но заходить я не торопилась. Мне почему-то стало вдруг тревожно. Кто знает, что ждет меня за этой дверью, в темноте. Войду, а Неля меня скалкой – бац! – чтоб впредь неповадно было.

Но и стоять на площадке дольше было неудобно. Нужно либо входить, либо уходить. Я выбрала второе, хотя меня не покидала уверенность, что это был не самый лучший выбор. Тем не менее, я вошла. И первым делом попыталась найти выключатель. Он оказался, как положено, слева от входа. Да вот беда, сколько я ни щелкала, свет не зажигался. От этого стало еще неприятнее. Вытянув вперед руки, я, стараясь не налететь на что-нибудь в прихожей, на ощупь двинулась вперед. Справа мои настороженные ушки уловили какой-то шум. Он доносился из-за стены. От охватившего меня страха, я не сразу сообразила, что это шумит льющаяся в ванну вода. Ну, слава богу! Если кто-то набирает воду, значит, кто-то дома есть. Воспрянув духом, я громко крикнула:

– Неля! Здравствуйте! Выгляните, пожалуйста. У вас

дверь не заперта.

Может, она меня не услышала, по крайней мере, не ото-звалась. Мне ничего не оставалось, кроме как сунуть голову в ванную. Уже открывая дверь, я подумала: «А как она мо-ется в темноте? Пробки ведь перегорели».

В ванной оказалось неожиданно светлее, чем в коридо-ре. После непроглядной темноты, мне даже показалось, что здесь было совсем светло, все из-за прямоугольного окошка в противоположной от входа стене, почти под самым потол-ком. Так было принято строить в старые времена и теперь это окошко сослужило мне хорошую службу, так как я сразу увидела Нелю. Она лежала в наполненной до краев ванной и не надо было обладать особой интуицией, чтобы понять, что женщине плохо. Ее голова была запрокинута, глаза закрыты. Скрюченные пальцы судорожно цеплялись за скользкий от воды бортик. Вода из крана с шумом лилась в ванну. Неля не выдернула затычку, и водяной поток готов был хлынуть на кафельный пол в любую секунду.

Я бросилась к женщине с криком:

– Неля, очнитесь, что с вами?

При этом я энергично трясла ее за плечи, отчего ее голова безвольно моталась из стороны в сторону. От моей бурной деятельности, вода перелилась-таки через край и я, недолго думая, сунула руку в кипяток, ухватилась за цепочку и вы-дернула пробку из стока. Потом снова обернулась к бесчув-ственной женщине. Что делать? Мысли беспорядочно заме-

тались. От волнения сердце колотилось у самого горла. Я была вся мокрая, от воды ли, от пота не знаю. Дрожащими руками я попыталась нащупать пульс на запястье Нели. Вроде бы, сердце еще билось, а, значит, я успела вовремя. Попытка вытащить ее из воды ни к чему не привела. Неля была значительно ниже мен ростом, но очень полная и к тому же скользкая от воды. Короче, я ее уронила. Она плюхнулась обратно в ванную, обдав меня тучей брызг. И в ту же секунду, ее тело выгнулось дугой и мелко задрожало, рукой она вцепилась в мой плащ, глаза резко открылись. Эти остановившиеся, какие-то незрячие глаза с расширенными зрачками напугали меня сильнее всего. Еще секунда и я сама хлопнулась бы в обморок рядом с ванной. Но Неля неожиданно обмякла, ее пальцы разжались, рука с легким всплеском упала в воду. Преодолевая страх, я выловила эту руку и слегка нажала пальцами на голубую вену под тонкой бледной кожей. Слабый пульс, который мне удалось нащупать в первый раз, теперь исчез совершенно. Неля умерла.

Вымокшая до нитки, я стояла посреди ванной, не в состоянии поверить в то, что случилось. Я уже поняла, что у женщины случился сердечный приступ. Так же я понимала и то, что скорая, даже если бы я догадалась ее вызвать, не успела бы помочь несчастной. Вроде бы, винить себя было не в чем, но мне было гадко на душе. Посмотрев еще раз на нелепую фигуру в уже почти пустой ванной, я попятилась и почти вывалилась в коридор. Нужно было все же позвонить в скорую,

нельзя оставлять ее вот так вот лежать. Где же здесь телефон? Я прошла немного по коридору, до двери со стеклянными вставками, открыла ее и оказалась в просторной кухне с большим окном, за которым как ни в чем не бывало светило солнце. Неля была хорошей хозяйкой. На кухне было прибрано, в раковине не громоздилась гора немытой посуды. Похоже, после ванной она собиралась позавтракать. На столе стояло блюдо с еще не остывшими гренками и тарелка с тонко порезанными колбасой и сыром. Завтракать Неля собиралась не одна, я заметила две чашки, наполненные свежесваренным кофе, от которых поднимался едва заметный парок. Значит, она ждала гостей. Может быть, потому и дверь оставила открытой? Немного странно, но возможно.

Телефона в кухне не было, и я вернулась обратно по коридору, заглянув в другую дверь. Она вела в гостиную, обставленную современной и явно новой мебелью, что подтверждало мои предположения о неплохом финансовом положении Нели Кибиткиной. Особой роскоши не наблюдалось, но вся мебель была добротная, середину комнаты занимал ковер с пушистым ворсом. Меня поразило обилие комнатных растений. Большие и маленькие, в крошечных горшках и огромных вазах, они стояли повсюду: на подоконнике, на полу и на специальных многоярусных подставках. Многие цвели. Таких причудливых цветов мне прежде видеть не доводилось. Будь у меня побольше времени, обязательно рассмотрела бы такую красоту повнимательнее.

Воздух в комнате был влажный и теплый, как в каких-нибудь субтропиках. Из гостиной вела еще одна дверь, должно быть, в спальню. Но проходить туда я не стала, так как в углу, на столике увидела телефон. Уже подняв трубку и ткнув пальцем в «ноль», я услышала, как за стеной отчетливо скрипнула половица. Так и не нажав на «три», я застыла, стиснув трубку и стуча зубами от страха. Сразу припомнилась тень, промелькнувшая в дверном глазке. Так мне это не показалось! В квартире кроме меня был кто-то еще. Человек прятался в соседней комнате все время, пока я возилась с Нелей. Я, точно загипнотизированная, уставилась на дверь, не в силах заставить себя оторвать от нее взгляд. Вдруг круглая, массивная ручка начала медленно поворачиваться...

Я не стала ждать, что будет дальше, закричав, почему-то басом, «А-а-а!!!», я бросила трубку и вылетела вон. Вниз по лестнице я мчалась уже молча, озабоченная только тем, чтобы не пропахать носом ступеньки. Выскочив на крыльцо, как чертик на пружинке, я собиралась, не снижая скорости, бежать дальше, но услышала чьи-то голоса за кустами палисадника. Несмотря на то, что я была в состоянии, близком к помешательству, у меня хватило ума понять, что в мокром плаще, со всклокоченной шевелюрой и с безумным выражением на перекошенной физиономии лучше никому на глаза не попадаться. Мало ли к каким выводам относительно смерти Нели придут в милиции, а мое появление в образе бабы-яги, возвращающейся с шабаша, никак не сможет остаться неза-

меченным. Поэтому, не дожидаясь, пока группа подростков (как я определила по голосам) появится перед подъездом, вывернув из-за кустов, я нырнула в эти самые кусты и затаилась.

Здорово, что возле старых домов есть палисадники. Еще лучше, что они с незапамятных времен засажены акацией. То есть, может быть, эти густые кустики называются как-то по другому, но я имею в виду те, у которых такие перистые, как у крошечной рябинки, листики и желтые цветочки, которые позднее превращаются в зеленые стручочки – свистульки. Самое же большое везение заключалось в том, что эти кустики начинают зеленеть очень рано. Благодаря этому молодая, но уже обильная листва полностью скрывала меня от любопытных взглядов, давая надежное убежище. Несмотря на явные преимущества моего положения, оставаться здесь надолго мне не хотелось. Мокрая одежда на ветру стала ледяной, и я сильно дрожала, не в силах согреться. А подростки, как нарочно, остановились возле самого подъезда, уходить они явно не собирались. Я присела на корточки, обхватив себя руками за плечи, но это мало помогало, зубы выбивали барабанную дробь.

Хлопнула подъездная дверь. Кто-то вышел на улицу и быстро прошел мимо.

– Закурить не найдется? – Ломающимся баском окликнул один из мальчишек. Ответа я не услышала. Они, по-видимому, тоже, так как немного погода прозвучало:

– Вот козел. Даже не обернулся.

– А кто это? Вроде, я его не знаю.

– Да ты че, сдурел? Это ж тетя Нелин хахаль.

– Врешь.

– Да вот те крест. Он к ней часто ходит. И ночевать остается. Правда все больше вечером появлялся, днем я его первый раз вижу.

От такого заявления я чуть было не вывалилась из кустов и забыла про холод. У Нели был любовник? Вот это новость. Эх, дубина я стоеросовая, не догадалась глянуть в щелочку на этого типа. Хотя, откуда я могла знать, что так получится? Похоже, этот тип прятался в квартире, когда я откачивала его возлюбленную. Мог бы, между прочим, и помочь, трус несчастный.

– Ерунда это, пацаны. – Подхватил третий голос. – Парень-то совсем молодой, а тетя Неля уже в годах. Никакой он не хахаль. Может сын...

– Неа. Нет у нее детей. Она моей матери жаловалась.

– Ну, родственник. – продолжал настаивать мальчишка.

Продолжая препираться, они наконец-то сдвинулись с места и скоро их голоса стихли. Тем не менее покидать свое убежище я не торопилась. Ока томилась в ожидании, успела окончательно убедиться в том, что выгляжу просто ужасно. Неважно, что подумают обо мне случайные прохожие, это я как-нибудь переживу, а вот попасться на глаза какой-нибудь любопытной соседке, живущей в этом доме, было бы неже-

лательно.

Соблюдая осторожность, я выбралась из кустов на узкую асфальтированную дорожку, пролегающую вдоль самой стены дома и, двигаясь по ней, обогнула здание, оказавшись через некоторое время возле школьного забора. Детей перед школой уже не было. Перемена закончилась, школьный двор был пуст, и я могла надеяться, что мой круиз остался незамеченным.

Поймать машину удалось только после того, как я догадалась стянуть плащ (темные свитер и брюки в мокром виде выглядели не так ужасно). В голове мелькнула мысль, что у меня становится хорошей традицией шататься по городу в непотребном виде. Еще немного и меня начнут узнавать, принимая за городскую сумасшедшую.

ГЛАВА 6

Ни горячее молоко с медом, ни ванна с пихтовым маслом не спасли меня от простуды. Втайне я надеялась, что моя прогулка в мокрой одежде как-нибудь обойдется без последствий, но не обошлась. Проснувшись на следующее утро, я попробовала сглотнуть и сразу почувствовала, что в глотке у меня надолго поселился колючий ежик, возможно, с отравленными колючками. Из зеркала над умывальником на меня глянуло несчастное существо с красными, опухшими глазами и уныло опущенными уголками губ. Тщательно умыв это безобразие, я поплелась на кухню на поиски аптечки. Проглотить таблетку целиком в моем состоянии не представлялось возможным, поэтому я тщательно растолкла в ее ложке и, морщась, проглотила. По старинке я пользовалась исключительно отечественными лекарствами. Однажды попробовала слопать импортное средство от простуды, но быстро поняла, что на меня оно не подействовало. Так что в моей аптечке ничего кроме «Сульфадемитоксина» и «Парацетомола» не водится. До сих пор помогало. К счастью, болею я редко, и ничего тяжелее гриппа со мной пока не приключалось.

Держа в одной руке стакан томатного сока, я, прижимая трубку плечом, быстро набрала знакомый номер редакции.

– Добрый день. – Пропел мне в ухо Галкин голосок. Да, в десять на работе день в самом разгаре, оказывается, я еще

и проспала.

– Привет, Галка. – Поздоровалась я хрипло, чувствуя, как по горлу проползла полоска наждачной бумаги. Крупного помола.

– Ой, Андрюшка, ты, что ли? Куда ты пропала. Главный тебя обыскался. Держим оборону из последних сил!

– Болею я.

– Что, так плохо? – Всполошилась Галина. Я вдруг поняла, что она имеет в виду ворону и, соответственно, считает, что я больна на голову. Но переубеждать ее мне не хотелось. Нужно было бы много говорить, а мне сейчас были по силам только короткие реплики. Поэтому я решила не надрывать-ся. Пусть себе думает что хочет. Главное, чтобы до шефа не дошло. Поэтому я предупредила:

– Скажи главному, что я тут поработаю над одним материалом. Когда вернусь – сразу отдам в печать. Хорошо?

– Это на самом деле или просто отговорка? – Осторожно поинтересовалась Галка. Я хорошо понимала ее волнение. В нашей редакции пустых обещаний по поводу материала не давали. За это можно было и по шее схлопотать. Пообещал? Хоть из кожа выпрыгни, а статейку в зубах приволоки. Поэтому я немного помедлила, прежде чем ответить:

– Все нормально. Будет вам пара колонок.

– Ладно. Я постараюсь ему сказать это в обтекаемой форме. А то вдруг у тебя чего не заладится, так чтоб не приди-рался понапрасну.

– Спасибо. – С чувством сказала я и, не удержавшись, спросила:

– Слушай, Галка, а кому ты говорила о моей встрече с Кибиткиной?

Галка, не ожидавшая этого вопроса, замолчала, а я почувствовала себя неблагодарной свиньей. Наконец она сказала:

– Ну, кое-кому я конечно говорила...

Я усмехнулась и уточнила:

– Кое-кому или всей редакции? Не бойся, колись. Я сейчас больная и немощная, так что расправа тебе не грозит.

– Ой, ну что ты, в самом деле? – Возмутилась Галка. – Я же не знала, что это тайна! Одному, другому сказала...

– А дальше понеслось как снежный ком. Все ясно, Галочка, не бери в голову. Это я так... – Постаралась я успокоить не на шутку перепугавшуюся секретаршу.

– А зачем ты вообще спросила? Что-то случилось? Материал кто-нибудь перехватил? Вот сволочи. Я им по дружбе, а они! Так и норвят стянуть, что плохо лежит!

– Да успокойся. Все в порядке. Никто ничего не стащил. Вернусь после болезни – расскажу. А пока больше не болтай на эту тему ни с кем, ладно?

Галка с облегчением поклялась мне, что эта тема впредь умрет вместе с ней, но я знала, что уже через десять минут она захочет нарушить обещание.

Мне никак не удавалось отделаться от мыслей о Неле. Мучила совесть, ведь я оставила ее, так и не вызвав скорую.

Почему-то я была уверена, что тот, кто прятался в дальней комнате, тоже этого не сделал. Кроме того, стали возникать и другие подозрения. Возможно, все они были плодом воспаленного воображения на фоне простуды, но они были и не давали мне покоя.

Что же произошло с этой женщиной? Несчастный случай? Сердечный приступ? Она умерла у меня на руках и на ее теле я не заметила никаких ран. Значит, это не могла быть насильственная смерть. Но что делал таинственный человек в ее квартире? Хорошо, пусть это действительно был ее любовник, мне-то что. Она была еще не старой женщиной, к тому же вполне состоятельной и очень одинокой. В такой ситуации всегда найдутся желающие утешить даму. За отдельную плату. Хотя, что это я на пошлости сбиваюсь? Может, это были настоящие чувства? Нет, это вряд ли. Любящий человек не станет прятаться, когда любимая умирает у него на глазах. Значит, альфонс. Тогда его поведение вполне объяснимо. Зачем ему лишний раз светиться, отвечать на вопросы, которые неизбежно стали бы задавать врачи скорой и обязательные в таких случаях милиционеры. Он предпочел удрать.

Но почему дверь в квартиру была не заперта? На этот вопрос ответа у меня не было. Беспокойство усиливалось и мне стало ясно, что единственный способ избавиться от него – съездить туда еще раз. Сначала такое простое решение повергло меня в шок. Еще вчера мне казалось, что я никогда

больше не приближусь к дому Нели даже на пушечный выстрел, а сегодня готова бежать туда, сломя голову.

Ну, бегать я, положим, не могла, так как от температуры сильно кружилась голова, но потихоньку все же добралась до знакомой уже улицы и взобралась на второй этаж. Бежевая дверь была опечатана. Это меня несколько успокоило. Значит, Неля не лежит там одна, ее забрали и теперь о ней позаботятся. Успокоившись на этот счет, я тут же начала терзаться другим вопросом: как все произошло? Кто обнаружил тело и вызвал соответствующие службы? Тот человек? Или кто-то из соседей?

Мой здравый смысл вцепился в меня обеими руками, уговаривая держаться от этого дела подальше. Пришлось потратить уйму времени, чтобы убедить его в том, что а) мне надо ЭТО узнать из-за того, что я больна б) смерть Нели имеет какое-то отношение к тем неприятностям, которые со мной произошли; в) Из-за а) и б) у меня вконец испортилось настроение и теперь я выздоровею не скоро. Здравый смысл болеть не любил так же сильно как я и потому милостиво позволил мне поговорить с кем-нибудь из соседей, соблюдая максимальную осторожность. Всегда гордилась своим даром убеждения...

Осмотрев по очереди двери справа и слева от себя, я решила позвонить в ту, что была ближе и не ошиблась. Женщина, возникшая на пороге, определенно была пенсионного возраста, что означало ее частое пребывание дома и массу

свободного времени. Бабулька на вид была совсем не противная и, когда я завела заранее подготовленную песню о том, что я давняя знакомая Нели, которую я предусмотрительно называла тетей, пригласила меня войти. Эта квартир-ка оказалась однокомнатной, но, как принято в сталинках, места вполне хватало: большая прихожая, просторная кухня, которую я успела разглядеть в конце коридора и комната не менее двадцати пяти метров с двумя большими окнами, обставленная допотопной мебелью. Мне сразу бросилось в глаза обилие всевозможных салфеточек и подушечек со слегка выцветшей вышивкой. Оказавшись среди этого благолепия, я на секунду представила, что за окном не начало двадцать первого века, а мирные шестидесятые и сразу стало уютно. Единственное, что несколько портило впечатление от уютного жилища – это запах кошачьей, прошу прощения, мочи. Происхождение этого запаха выяснилось практически сразу, в тот момент, когда из кухни выплыл здоровенный полосатый кот. Презрительно смерив меня зелеными глазищами, он демонстративно повернулся задницей к стене, задрал хвост и...преспокойно пометил свою, так сказать территорию.

– Он у меня такой своевольный! – Заметив выражение моего лица, принялась оправдываться старушка. – Ничего не могу с ним поделать. На улицу отпускать боязно – вдруг обидит кто – так он повадился мне стены пачкать, поганец.

Я посмотрела на кота с сомнением. Такого, пожалуй, оби-

дишь. Как же.

– А наказывать не пробовали? – Спросила я, радуясь, что разговор завязался легко, хотя тема для него была несколько специфической.

– Да нет, – со вздохом призналась старушка, – у меня кроме Сережи ведь и нет никого. Пускай уж, раз ему так хочется. Гости ко мне почти не ходят, а сама я уже принялась.

Котяра подошел к нам, обнюхал меня, широко зевнул, ненавязчиво демонстрируя огромные желтые клыки, потом неторопливо подошел к хозяйке и, выгнув спину, потерся несколько раз о ее ноги. Хозяйка заулыбалась. Впрочем, судя по ситуации, еще большой вопрос кто в этом доме был настоящим хозяином. Я бы поставила на Сережу.

– Вы извините, что побеспокоила. – Начала я. – Мы с тетей Нелей давно не виделись. Заехала вот навестить, а у нее дверь опечатана...

Мой расчет был прост. В этом доме Неля поселилась чуть больше года назад и вряд ли соседка могла знать всех ее знакомых. Так оно и вышло. Старушка даже не заподозрила меня во вранье, но почему-то это благоприятное обстоятельство повергло меня в смущение. Обманывать эту доверчивую женщину мне было неприятно.

– Так вы ничего не знаете? – Всплеснула руками старушка. Я отрицательно покачала головой. – Не знаю, как вам и сказать-то.

– Говорите, как есть. Случилось что-то плохое? Она забо-

лела?

– Хуже. – Вздохнула она. – Нелечка умерла.

– Как умерла? Отчего?

– Отчего умирают старые люди? Сердце, милая. – Фило-софски заметила старушка, печально и как-то безнадежно покачивая головой.

– Но она была совсем не старая! – Возразила я.

– Каждому свой срок. Тут уж ничего не поделаешь.

– Значит все-таки сердце. – Задумчиво проговорила я.

– Конечно, врачи даже не сомневались. Да я и сама, как увидела ее в ванной, так все сразу и поняла.

– Так это вы ее обнаружили?

– Я. Соль у меня кончилась, а мы с Нелей не то чтобы дружили, но всегда выручали друг друга по мелочи. Солью, сахаром, яичками иногда одалживались. Вот и в этот раз. Сунулась я в солонку – пусто. Магазин хоть и рядом, да мне спускаться тяжело было, приболела я. Дай, думаю, у Нели перехвачу, а уж как полегчает – в магазин отправлюсь. Звоню, звоню. Никто не открывает. А у меня всегда ключи лежат от Нелиной-то квартиры. Уезжает она иногда ненадолго и всегда меня просит за цветами ее приглядеть. Много их у нее, вся квартира заставлена.

– Да, я знаю. – Машинально кивнула я.

– Рука у нее легкая, царство ей небесное. Цветочки свои больше чем людей любила, и они ей тем же платили – круглый год цвели. Так вот, – старушка поудобнее устроилась в

кресле, – захожу я, значит, сразу на кухню. Соль у Нели в шкафчике стоит...

– То есть вы дверь отперли и зашли? – Забеспокоилась я, ведь хорошо помнила, что, выбегая, оставила дверь открытой.

– Ты не подумай чего плохого. – Немного обиделась бабулька. – Мне Неля всегда доверяла. Знала, что я не из тех людей, что в отсутствие хозяев станут по углам шарить.

– Нет, нет. – Поспешила заверить я. – я ничего такого не думала Продолжайте, пожалуйста.

Старушка немного успокоилась.

– В общем, зашла я на кухню, открыла шкафчик и потянулась за солью. А ее ведь теперь как фасуют? Не так как раньше, в удобные коробки, а в пакеты полиэтиленовые, для экономии. Руки-то у меня слабые. Этот пакет возьми да и выскользни из пальцев. Соль по всему полу рассыпалась. Переполошилась я. Надо ж такому случиться, пришла в чужой дом и насвинничала.

– Ну, вы же не нарочно.

– Конечно, не нарочно. А все равно совестно. Побежала я в ванную, за тряпкой, чтобы все подтереть, а там темно. Включила свет. Глядь, а в ванной Неля лежит. Голая. И мертвая.

Дойдя до этого места, старушка вздрогнула, снова переживая неприятный момент, и поэтому она не заметила, как у меня медленно вытянулось лицо. Ее последние слова ме-

ня точно током ударили. Током... В голове замельтешило, я схватилась за виски. Ванна с водой, темнота, свет, расширенные зрачки и посторонний человек в квартире, который запер за собой дверь...

– Ой, доченька, тебе плохо? – Заволновалась сердобольная старушка, вскакивая с кресла и неожиданно резво подбегая ко мне. – Ах, я старая перечница, болтаю, что ни попадя. Ты уж прости меня. Может, водички принести?

– Нет, спасибо. Вы не волнуйтесь, пожалуйста, со мной все в порядке.

Скажите, вы уверены, что, войдя в ванную, вы **ВКЛЮЧИЛИ** свет?

ГЛАВА 7

Никогда не любила поговорку «любопытство погубило кошку», справедливо полагая, что любопытство – двигатель прогресса. Сейчас пришло время поставить свои убеждения под сомнения. Спускаясь по ступенькам на улицу, я чувствовала себя совершенно больной и, что еще хуже, сильно напуганной. Кажется, впервые в жизни я не знала, что теперь делать. Хотя, свидетелем убийства я тоже стала впервые в жизни.

Теперь не оставалось никаких сомнений, что Неля умерла вовсе не от сердечного приступа, как решили врачи. Ее убили. Убили изощренным способом, не оставившим никаких следов. И я находилась через стену от убийцы, когда пыталась реанимировать труп. Да, да, это был именно труп несчастной женщины, несмотря на признаки жизни, которые она подавала. Теперь я удивлялась, как мне не пришло это в голову там, возле ванной. Ведь это было так очевидно. И совершенно недоказуемо!

Когда старенькая соседка рассказала, как в ванной включился свет, у меня вдруг все стало на свои места. Не знаю, как Неля оказалась в ванной: может, он вошел, когда она там уже была, или она решила принять ее перед завтраком, когда он уже был в квартире. Мне казалось более верным первое предположение – из-за того, что дверь осталась от-

крытой. Преступник собирался проверить все по-быстро-му, ему нужно было всего несколько минут для осуществления плана, а потом он мог удалиться, исправив кое-что в квартире. Нелю убило током. Я где-то читала о том, что при попадании в воду включенных электроприборов, сразу же происходит короткое замыкание. Ток моментально проходит через воду и через тело жертвы, находящееся в воде. Никаких следов или ожогов не остается, смертельный разряд воздействует на все тело равномерно. Напряжение роли не играет. Достаточно обычных двести двадцать вольт. Это мог быть фен, бритва, да любой бытовой электроприбор!

Я, казалось, видела, как все произошло. Неля ожидала кого-то. Свидание предстояло романтическое и женщина решила принять ванну. Это только в кино героиня может где угодно, когда угодно и даже весьма эффектно. Обычной женщине, тем более, если ей хорошо за..., лучше привести себя в боевую готовность заранее. Тот, кого она ждала, вошел в ванную комнату неожиданно. Скорее всего, у него был свой ключ от ее квартиры. Но его появление не напугало Нелю. Может быть, смутило, но она его не боялась. В ванной не было следов борьбы, когда я вошла, значит, она подпустила его совсем близко. Ему пришлось придумать отговорку по поводу того, что в руках у него был электроприбор, и он ее придумал так, что сумел не насторожить ее. Дальше все произошло мгновенно: он бросил включенный в сеть прибор в воду, и все было кончено за считанные секунды. Со стороны

это выглядело как обыкновенный сердечный приступ. Подозрение могли вызвать только две вещи: расширенные зрачки и перегоревшие пробки. Первую, он надеялся, не заметят, а вторую он собирался устранить. (Благо, в сталинках счетчики находятся прямо в квартире, так что ему не пришлось бы даже маячить на лестничной клетке). И вот тут появилась я. Он совершил ошибку, оставив дверь открытой. Когда я позвонила, он бросился к ней, но понял, что, услышав звук поворачивающегося ключа. Я не уйду отсюда никогда. И он позволил мне войти, укрывшись в дальней комнате. Основная часть плана была уже приведена в действие. Оставались только перегоревшие пробки, но связать одно с другим было непросто. Я бы и не связала, если бы мне не пришло в голову поговорить с соседкой, от которой я услышала о чудесным образом восстановленном свете. Если кто-то что-то исправил, значит это кому-нибудь нужно, подумала я и оказалась права.

Признаки жизни у Нели, которым я была свидетелем, тоже имели свое объяснение. Именно с людьми, пораженными током, возможны подобные явления. Дрожь, судороги пальцев и лицевых мышц, все это вызвала я сама, невольно применив некое подобие искусственного дыхания, когда тормозила тело, пытаясь вытащить его из воды. Нет, Сердце Нели остановилось немного раньше, чем я ее обнаружила, она была уже мертва, когда я пыталась помочь ей.

Как только до меня дошло, что же именно произошло

с женой знаменитого писателя (а дошло до меня сразу же, как только соседка упомянула про включившийся в ванной свет), я принялась лихорадочно соображать, что же мне делать дальше. Соседка еще что-то говорила, но я ее почти не слышала. Меня волновало совсем другое. Куда мне теперь со своими открытиями? В милицию? Ага, так меня там и ждут. Это только в кино добрые дяденьки в милицейской форме бросаются вызволять граждан из неприятностей и землю носом роют, чтобы найти преступника. В жизни существует план и, как мне доподлинно было известно, реальные стражи порядка весьма озабочены тем, чтобы нераскрытых преступлений было как можно меньше. То есть, лучше бы их вообще не было, но это уже из области сказок. Однако brave парни всеми силами стараются сделать сказку былью и браться только за те дела, которые можно раскрыть, не особо утруждаясь. Мое утверждение отнюдь не голословно. Столкнулась я как-то с этим явлением лицом к лицу. У меня в троллейбусе свистнули паспорт. То есть хотели свистнуть кошелек, а вместо этого прихватили записную книжку, «одетую» в обложку из натуральной кожи. На ощупь она вполне могла сойти за кошелек, так что немудрено, что вор второпях малость ошибся. Проехала я на том троллейбусе всего одну остановку и пропажу обнаружила сразу, как только сошла. Замок на сумочке был аккуратно расстегнут и записной книжки, за обложку которой был засунут паспорт, не было. Естественно, я решила обратиться в милицию. Но не сразу. Сначала я

пошла в то место, где выдают паспорта, и честно сказала, что паспорт украли. Зря я это сделала. Нужно было соврать, что потеряла, тогда бы и проблем не было. Но слово не воробей. Служащий, едва услышав про кражу, заявил, что мне надо заявить в милицию и только потом рассчитывать на новый документ.

Отправилась я в отделение по месту прописки. И снова меня подвели длинный язык и честность. Я рассказала все как было: как ехала в троллейбусе и так далее. Видели бы вы, как просветлело лицо беседовавшего со мной участкового при этих словах! Он просто просиял и, уточнив, на какой именно остановке я сошла с транспорта, радостно объявил, что заявление надо подавать в то отделение, которое находится в районе той троллейбусной остановки... Надо сказать, что к тому моменту я уже здорово вымоталась, бегая, высунув язык, по городу. Дело было летом, стояла жара, я взмокла и устала. Но в третье по счету отделение все же пошла. Без паспорта жить не хотелось. Здесь, общаясь с дежурным, я уже вела себя крайне осторожно. Парень настолько очевидно пытался от меня отделаться, что я испытала даже нечто вроде злорадства, отвечая на его вопросы. Деваться ему было некуда, кража произошла на их территории, у меня теперь был большой опыт в этих тонкостях. Когда дежурный оказался припертым к стене, он вдруг тяжело вздохнул и сказал:

– Может, все-таки не будете подавать заявление?

– А как же без паспорта? – Растерялась я.

– Пойдите еще раз в паспортный стол и скажите, что потеряли.

У меня не было уверенности, что из паспортного стола меня не отфутболят куда-нибудь еще и я отрицательно покачала головой. Парень сразу посуровел, записал что-то в журнал и швырнул мне бумажку, на которой значился номер кабинета. Через час я, подав заявление, с чувством выполненного долга отправилась домой. Буквально на следующий день меня ждал сюрприз в почтовом ящике. Это было официальное письмо из милиции, где официальным языком сообщалось, что в результате тщательно проведенных розыскных мероприятий ими установлено, что никакой кражи не было, а я все...выдумала. От обиды я расплакалась. Мало того, что они наверняка даже не пытались что-то делать, так еще и объявили меня лгуньей! К счастью, в тот же вечер меня ждал еще один сюрприз. Вор, обокравший меня, оказался совестливым, и я с изумлением обнаружила в своем почтовом ящике свой паспорт и записную книжку! Знающие люди объяснили мне позже, что ничего удивительного в моей истории не было. Менты терпеть не могут такие бесперспективные дела как мое, которые увеличивают в их отчетах процент нераскрываемости, вот и придумывают всякие отговорки. А мелким мошенникам чужой паспорт ни к чему, и они довольно часто подбрасывают документы владельцам таки образом.

Короче, в тот раз мне повезло, но остался мерзкий осадок. Поэтому теперь я сильно сомневалась, стоит ли сообщать о чем-либо ментам. У них все так красиво сложилось: несчастный случай, никакого криминала, чистота и порядок на вверенном участке. А тут я со своими неудобоваримыми фактами. В лучшем случае меня просто пошлют куда подальше, в худшем – решат, что я сама приложила руку к этому делу. Оно мне надо?

Решив, наконец, что в милицию я отправлюсь в самую последнюю очередь, я почувствовала даже некоторое облегчение. Но все это не означало моего нежелания разобраться в том, что же произошло, кто и за что убил Нелю? Раз уж я так решила, следовало поступать, как положено в приличном частном сыске. С чего там начинают? Правильно, с выяснения круга общения жертвы. А кто лучше знает, с кем общалась в последнее время Неля, как не ее ближайшая соседка-пенсионерка? Вдохновленная этими выводами, я принялась осторожно расспрашивать старушку, кто и когда заглядывал в гости к ее соседке. Я не забыла разговор мальчишек во дворе, когда один из них признал в выскочившем следом за мной мужчине поклонника Нели, но у меня был еще один подозреваемый. Чью тайну хранила Неля, получая за это более чем достойное вознаграждение? Вот-вот! Хранить-то она хранила, но мало кому понравится находиться в зависимости от другого человека, тем более, если человек этот ненадежен. Я не сомневалась, что В глазах Кибиткина

Неля была ненадежной, ведь, как известно, нет ничего опаснее брошенной женщины. Это как мина замедленного действия – никогда не знаешь, когда произойдет взрыв. Поэтому первый мой вопрос был таким:

– А бывший муж к Неле часто заглядывал?

Старушка не удивилась. Ответила спокойно, как будто ждала этого вопроса:

– Раньше никогда не приходил. Неля о нем и не вспоминала почти.

Оно и понятно, нехорошо он с ней поступил.

– Подождите-ка. Что значит «раньше»?

– Экая ты непонятливая. – Покачала головой бабулька. – То и значит, что говорю. За все время ни разу не показывался. А вчера вдруг явился.

Сердце у меня в груди подскочило. Но я засомневалась.

– Как же вы его узнали вчера, если он никогда до этого не приходил.

Старушка хитренько сощурилась, в уголках глаз собрались морщинки.

– Чего ж тут сложного? Или я не знаю, чья Неля жена? О ейном муже уж все уши прожужжали: и в газетах пишут, и в журналах печатают, а недавно вот по телевизору показывали. Знаменитость!

Да, об этом я как-то не подумала. Молодец, бабулька!

– И когда он приходил? – Осторожно поинтересовалась я.

– Да прямо с самого утра. Часов в девять. Я как раз Сере-

жу кормила.

Он у меня ест только по часам. В девять у него второй завтрак. – С гордостью добавила она. Я покосилась на котяру, старательно делающего вид, что он спит. Однако его стоящие торчком уши шевелились, улавливая каждое слово.

– А когда он ушел? Я имею в виду мужа?

– Вот этого не скажу. – Немного замявшись, покачала головой старушка. – У меня сериал начался. «Земля любви» называется. Не смотрите?

Я отрицательно покачала головой. Нет, сериалы я не смотрю, но помню, что «Земля любви» начинается в девять пятнадцать – название это за несколько месяцев примелькалось в телепрограмме. Значит, в это время Кибиткин еще не ушел. В половине десятого пришла я, а еще через несколько минут из квартиры выскочил человек, которого мальчишка назвал хахалем. Вряд ли он не узнал бы Кибиткина. Старушка права, его лицо постоянно мелькает в средствах массовой информации и знакомо всем и каждому. Значит, из подъезда вышел другой человек. Однако, у Нели в это утро было много гостей. Кто же из них приложил руку к ее «сердечному приступу? Вариантов могло быть два. 1) Это сделал муж. Любовник пришел сразу после его ухода, увидел безжизненное тело любовницы и хотел сбежать. Я ему помешала, и он спрятался в спальне. 2) Кибиткин пришел по каким-то своим делам и ушел, когда его бывшая супруга была жива и здорова. А уж затем явился любовник, которому зачем-то пона-

добилось избавиться от своей дамы сердца. И первый и второй варианты казались вполне правдоподобными. Но какой из них все-таки верный? Тем более, что я понятия не имею, кто такой этот любовник. Хотя это можно было попытаться выяснить.

Старушка не сразу ответила на мой вопрос о сердечной привязанности моей «тети». По тому, как она поджала и без того тонкие губы, стало понятно, что подобных отношений она не одобряет. Но в конце концов бабулька решилась и неохотно призналась, что захаживал к Неле какой-то тип, а уж кем он ей приходится, ей доподлинно неизвестно.

Обнадеживающее начало не привело к таким же блестящим результатам. Глазастая бабушка видела этого типа неоднократно, но что касается описания его внешности, то тут начиналась полная неразбериха. По ее словам, парень был среднего роста, со светлыми волосами. Глаза, рот, нос, уши, подбородок? Да, они у него были. Если кому-то удастся представить себе человека согласно такому вот описанию, то значит, у этого «кого-то» более богатое воображение, чем у меня.

Собственно говоря, ничего более существенного я так и не узнала. Гости к Неле ходили редко, она была женщиной довольно замкнутой. В последние месяцы и вовсе никого кроме хахаля своего не принимала. Переваривать полученную информацию я отправилась домой. Хотя переваривать-то было особенно нечего. Я так ничего и не поняла,

кроме одного – вся эта история слишком запутанная и грязная, чтобы, будучи в своем уме, подходить к ней ближе, чем на пушечный выстрел. Я бы и не подошла, но нутром чувствовала, что я имею непосредственное отношение ко всей этой неразберихе. Хорошо бы еще понять, какое именно. Уж очень мне стало вдруг страшно.

ГЛАВА 8

Только дома я поняла, что моя простуда неожиданно отступила. Горло больше не болело, и дышала я совершенно свободно. Не люблю черный юмор, но мне вдруг показалось, что микробы, почуяв грозящую мне опасность, решили спастись бегством, а то и вовсе передохли от страха. Можно себе представить, каково же было мне.

Больше всего раздражало то, что я никак не могла сообразить, с чего начать. Искать любовника в настоящее время было бессмысленно. Оставался муж, знаменитый господин Кибиткин. Подумав о нем, я криво усмехнулась. Легче добраться до президента, чем до этого отшельника. Но чем больше я размышляла об этом, тем очевиднее становился тот факт, что другого выхода у меня попросту нет. Осознав это, я решила отправиться к нему немедленно, пока здравый смысл не успел запугать меня окончательно.

Время было самое подходящее – начало второго. Если поспешить, то я вполне успеваю добраться до коттеджа, расположенного в пригородной зоне Москвы. Кибиткин проявил оригинальность и не стал селиться в Переделкино, как сделал бы любой на его месте. Он выбрал довольно уединенное место, хотя и не слишком далеко от города. Его выбор создавал мне некоторые трудности. Если воспользоваться электричкой или автобусом, то я доберусь до нужного места толь-

ко к вечеру. Я и так-то не рассчитывала на хороший прием, а в сумерках меня могут вообще за ворота не пустить. Придется воспользоваться машиной. Да, да. Была у меня машина. Не бог весть что, двухлетний жигуленок – восьмерка. И вожу я довольно неплохо, но в Москве такое движение, что у меня все мозги расплзаются в разные стороны, стоит только выехать за ворота. Поэтому машиной я своей практически не пользуюсь. И надо бы продать, да все никак не находится времени отогнать ее на авторынок.

Только особенные обстоятельства могли заставить меня сесть за руль. Но кто будет спорить, что в данном случае они не наступили? Были, правда, опасения, что лошадка моя заржавела за прошедшую зиму. Сколько я к ней не заглядывала? Ноябрь, декабрь...получается, что семь месяцев. Многовато.

Жигуленок не подвел – завелся с полоборота. Я осторожно вывела его из гаража, затормозила и выскочила, чтобы запереть двери. При этом чуть не угодила под колеса промчавшейся мимо иномарки, кажется, «Фольксвагена». «Вот оно, начинается!» – Сварливо подумала я, грозя кулаком толстой заднице иностранного драндулета. Решив, однако, не обращать внимания на столь неудачное начало моего вояжа, я села за руль, глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, и тронулась с места.

В каждой работе есть хорошие и плохие стороны. Ну, о плохих сторонах профессии журналиста и так все знают,

а хорошая заключается в том, что мы все про всех знаем. Ну, или почти все. Что-то добывается самостоятельно и через знакомых, которыми любой журналист обрастает как пенек опятами по осени, что-то сообщают по секрету коллеги. Справедливости ради, надо заметить, что последнее случается довольно редко. Каждый придерживает козырей до последнего, но мир не без добрых людей. Так что в результате нам становится известна вся подноготная мало-мальски известных людей, способных хоть в какой-то мере заинтересовать привередливого читателя. Стоит ли говорить, что адрес уединенного коттеджа писателя-затворника был известен мне доподлинно, как и всем остальным журналистам, к слову сказать. Информация эта считалась до сих пор бесполезной, так как проникнуть дальше высокого, тщательно охраняемого забора еще никому не удавалось. Некоторые, особенно отчаянные, пробовали засесть на растущих окрест деревьях, чтобы подсмотреть хоть что-то интересное, но их моментально вычисляли и с позором изгоняли с насестов. На западе проще – если очень надо, могут и вертолетом воспользоваться. Но кто же нашему журналисту даст вертолет?

Короче, куда ехать я знала, поэтому рулила вполне уверенно, попутно недоумевая, как я вообще могла решиться на такую авантюру. Конечно, если бы мне только удалось добраться до этого Кибиткина, я смогла бы вытрясти из него хоть что-нибудь. Я рассчитывала огорошить его тем, что его визит к жене в день убийства не остался незамеченным. Не

железный же он, в конце концов? Должен как-то прореагировать на такую информацию. Вот только смогу ли я до него добраться?

От своих невеселых мыслей я отвлеклась самым неожиданным образом: мне вдруг показалось, что одна из машин, следующих в общем потоке, уже встречалась мне раньше. Когда она поравнялась со мной на светофоре, я сообразила что это тот самый драндулет, который чуть не сбил меня с ног возле гаража. За рулем «Фольксвагена» сидел худой патлатый тип, который нервно смолит сигарету, старательно глядя в другую сторону. По тому, как он судорожно стряхивал пепел в открытое окно, я поняла, что парень буквально на пределе. Зажегся зеленый, и «Фольксваген» первым рванулся с места. Однако через некоторое время я снова заметила эту машину. Конечно, если бы я не искала специально, я бы его не обнаружила, так как после встречи на светофоре, он аккуратно держался позади меня, сохраняя приличную дистанцию. Обнаружение «хвоста» меня не столько испугало, сколько удивило. За мной еще никто никогда не следил. Я – бывало, когда работала над каким-нибудь материалом. Приходилось и в засаде сидеть, и на хвост садиться. Но что-бы наоборот?

Мне было любопытно, что будет делать мой преследователь, когда мы выедем за пределы города? Машин там гораздо меньше и спрятаться ему будет некуда. Оказалось, что он и не собирался прятаться, просто катил за мной как прикле-

енный. Миновав пост ГАИ, я решила немного поразвлечься и поиграть с ним в догонялочки. Мы как раз доехали до деревни, неподалеку от которой находился дом Кибиткина. Я специально проехала нужный поворот и резко увеличила скорость. Посмотрев в зеркало, обнаружила в облаке пыли знакомый силуэт. Машинка у моего «компаньона» была весьма преклонного возраста, и ему трудновато было тягаться даже с моей «шестеркой». Но он очень старался, надо отдать ему должное.

Когда мне надоело бегать наперегонки, я свернула с асфальтированной трассы на проселочную дорогу и тихим ходом двинулась по кромке начинающего зеленеть леса в сторону реки. Я даже не стала оглядываться, чтобы проверить, движется ли за мной «Фольксваген». Бедняга, я приготовила для него весьма неприятный подарочек, о котором он пока не догадывался.

Проехав еще немного, я остановила машину, не заглушив двигатель и с удовлетворением проводила глазами Драндулет, который, обогнав меня, тоже остановился на обочине дороги. Несколько минут я просидела, следя за его действиями через лобовое стекло. Парень был в растерянности. Не знаю, кому пришло в голову воспользоваться его услугами, но могу точно сказать, что на этого человека нашло затмение – водитель «Фольксвагена» для слежки за объектом имел слишком слабые нервы. Мне было прекрасно видно, как он вертел головой во все стороны, куря одну сигарету за дру-

гой. Еще немного и он бросился бы ко мне, чтобы спросить, то происходит. Но я не стала дожидаться, пока это произойдет. Мне нужно было торопиться добраться до коттеджа Кибиткина засветло. Поэтому я, прихватив кое-что из бардачка, неторопливо вылезла из машины и направилась прямо к «Фольксвагену». Поравнявшись с багажником, я нагнулась и со всей силы воткнула нож, который держала в руке, в крышку прежде, чем водитель успел понять, в чем дело. Воздух со свистом стал выходить из камеры.

– У вас что-то с колесом! – Вежливо крикнула я обалдевшему парню, помахала ему ножиком и быстро вернулась к своей машине.

Отъезжая, я долго еще слышала поток замысловатых эпитетов, которые парень визгливо выкрикивал в мой адрес. Но я на него не обиделась, в чем-то он был даже прав.

Отделавшись от ненужной компании, я вернулась обратно к развилке возле деревни и свернула в нужном направлении. Теперь я почувствовала нарастающее напряжение. Разделаться с типом на дороге на самом деле было не так уж сложно – он даже на вид казался хлюпиком. Теперь же мне предстояла более серьезная задача. Подъехав поближе к дому, я притормозила, безнадежно разглядывая высоченную ограду из плотно пригнанных друг к другу досок. Несмотря на приятный желтый цвет, в который был выкрашен забор, его вид поверг меня в уныние. Ясно, что мне через него не перебраться. «Ну что же, должна же я была хотя бы по-

пытаться». – Утешала я себя, медленно двигаясь вдоль забора на первой скорости. И вдруг увидела нечто такое, во что поначалу отказались поверить мои глаза. Массивные ажурные ворота в неприступном заборе были открыты. . . Как я ни вглядывалась, обнаружить охранников мне не удалось. К такому повороту я была не готова, но я была бы плохой журналисткой, если бы не воспользовалась подвернувшейся возможностью.

Не переставая удивляться, я въехала в распахнутые ворота и медленно двинулась к большому кирпичному дому, готовая в любую минуту увидеть свирепого охранника. Он не замедлил появиться. Точнее, их было двое. Но это были вовсе не люди, как я ожидала. Боже мой, никогда еще я не видела таких здоровенных и злобных псов, которые с лаем выскочили из-за угла дома и бросились к моей машине.

«И что теперь?» – Мрачно подумала я, глядя изнутри на двух огромных, плюющихся слюной тварей, от громкого лая которых у меня начинало закладывать уши. Собаки прыгали на машину, скребли лапами по стеклу и бесились оттого, что никак не могли до меня добраться. Меня удивляло, что на их лай никто не появился. А собачки уходить не собирались. Похоже, они только начали входить во вкус. Можно было, конечно, попытаться выехать обратно задним ходом, но, когда я попыталась проделать этот маневр, один из волкодавов стремительно бросился мне под колеса. «Или угодит под колеса или прокусит покрышку!» – С ужасом подумала я. И

неизвестно еще, что хуже. Учитывая странности хозяина, он вполне может засудить меня за покалеченного пса.

Что же мне теперь, сидеть тут до бесконечности? Я вдруг представила, как хозяин этих монстров подглядывает из окна за представлением, веселясь над незадачливым гостем, и неожиданно разозлилась. Хочешь повеселиться? Пожалуйста! В моей памяти вдруг всплыла сцена не то из фильма, не то из книги. Суть ее заключалась в том, что герой, попавший в похожую ситуацию, двинулся прямо на псов, которые не разорвали его, а, наоборот, спокойно пропустили. Вообще-то, в этом что-то есть. Собаки – это все же животные, они привыкли к стереотипам. Эти, например, считают, что все, едва заведев их оскаленные пасти, должны бросаться наутек, сверкая пятками. Что, если попробовать поступить по-другому?

От одной мысли об этом меня прошиб холодный пот. Я покосилась на одну из собак, которая разевала пасть в нескольких сантиметрах от моего носа, отделенная только прозрачным стеклом. Ее белые, острые клыки и мощные челюсти мне очень не понравились. Я сразу же представила себе, как они вопьются в мое тело, и зажмурилась.

Еще через пятнадцать минут стало ясно: если я что-нибудь не сделаю, то ночевать придется в машине. Собаки никак не желали оставить меня в покое. Похоже, на ближайшие сутки у них не нашлось более интересного занятия. Глубоко вздохнув и перекрестившись на всякий случай, я резко

распахнула дверцу машины и буквально вывалилась на посыпанную гравием дорожку. То есть, я намеревалась выйти, гордо подняв голову, но ноги внезапно подогнулись, и эффектного выхода не получилось. Тем не менее, мой дикий поступок произвел на псов впечатление. Таких идиоток собачки, видимо, еще не встречали. Они отскочили от меня и, хотя продолжали остервенело лаять, попыток напасть и разорвать на мелкие кусочки, к счастью, не делали. Я бы даже сказала, что лаяли они скорее по инерции. На их мордах было ясно написано удивление, если собаки умеют удивляться, конечно. Эти, по-моему, умели. Так мы стояли друг против друга и удивлялись, пока звери, вконец обескураженные, не замолкли.

Определенный успех был достигнут – меня пока что не съели и вроде бы не собираются. Но ситуация оставалась под контролем только пока я стояла, не шевелясь. То знает, что произойдет, если я попытаюсь сделать хотя бы шаг в сторону? Поскольку мне на помощь так никто и не вышел, приходилось рассчитывать только на свою сообразительность. Сообщать псам, какие они хорошие и умные я не стала, просто предчувствовала, что это на них не подействует. Тот кто воспитал их такими злобными, вряд ли стал бы с ними сюсюкать. Не рассчитывая на их симпатию, я рассчитывала добиться хотя бы их уважения, и потому по возможности твердым голосом скомандовала:

– Рядом!

Не то, чтобы я слишком опытный кинолог, просто именно эта слышанная где-то команда почему-то пришла в голову. Выкрикнув «рядом», я на негнущихся ногах пошагала к дому, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не побежать. Мои глаза полезли на лоб, когда я обнаружила, что псы пристроились слева и справа от меня и, держась немного позади, трусцой бегут следом за мной, подобно почетному эскорту. Они видимо совсем запутались в отношении меня, но, слава богу, не пытались напасть.

Вместе со своим конвоем я поднялась по широким мраморным ступеням на высокое крыльцо. Собаки сели по обе стороны, с интересом следя за тем, что я буду делать дальше. Дальше я предполагала действовать весьма решительно. Я не сомневалась, что хозяева прекрасно видели, что происходило во дворе и их невмешательство разозлило меня. Когда я направлялась в этот дом, то была готова к тому, что со мной не пожелают разговаривать, но после пережитого ужаса с собаками мои намерения резко изменились. Я знала, что не сдвинусь с места, пока не выясню все, что считаю нужным.

Я посмотрела на быстро темнеющее в наступающих сумерках небо, пригладила ладонями слегка растрепавшиеся волосы, одернула жакет и решительно надавила на бронзовую кнопку звонка.

ГЛАВА 9

Дверь раскрылась тут же, как будто моего звонка ждали, что только подтвердило мои предположения насчет того, что находящиеся внутри прекрасно видели мое сражение с собаками. Я почувствовала, как мои щеки заливают краска негодования, подняла глаза и онемела.

– Грег, Бонус, пошли вон отсюда. – Презрительно бросила стоявшая на пороге женщина. Я могла бы поклясться, что при ее появлении собаки съжились и немедленно потрусили прочь, поджав хвосты. Если четко, мне вдруг очень захотелось последовать за ними. Я этого не сделала только потому, что ноги мои будто приросли к полу. Я стояла, беззвучно открывая рот, и совершенно неприлично тарашилась на женщину.

Это было что-то невообразимое. Она была намного выше меня, почти двухметровая, с необъятной талией и весила не меньше центнера. Она стояла очень близко, и я почувствовала, что изо рта у нее воняет, как из разрытой могилы. Жирное, неряшливое тело угрожающе возвышалось надо мной, как нечто, восставшее оттуда, откуда нет возврата. Судя по состоянию ее лица, она не смотрелась в зеркало с самого рождения, а напомнить ей об этом никто не решался.

Бывало, что меня пугали мужчины, но никогда еще я не испытывала такого страха перед немолодой женщиной. Мне

стало холодно и захотелось немедленно удрать отсюда. Я уже собиралась это сделать, не тратя времени на лишние объяснения, но меня остановил ее голос:

– Проходите, вас ждут.

«Кто ждет»? – Чуть было не спросила я, но она уже исчезла в темноте коридора, оставив дверь открытой. Борясь с желанием пуститься наутек, я переступила порог этого странного дома и попала в полумрак вестибюля. Женщина стояла посреди просторного холла, не делая никаких попыток объяснить, зачем пригласила меня войти. Я почти не видела ее лица, но чувствовала, как она изучает меня. Ее взгляд был осязаем и мне все время хотелось стряхнуть его с себя, как липкую паутину. Трудно поверить, что этот дом был построен совсем недавно, каких-нибудь два-три года назад. Внутри отчетливо пахло чем-то затхлым. Так пахнет заплесневелое, старое дерево и прогнившая мебель. Единственным освещением в коридоре была тусклая лампочка под самым потолком, ее света не хватало, но мои глаза уже понемногу привыкли к темноте, и я смогла различить обстановку.

В холле я заметила несколько дверей. Лестница с дубовыми перилами вдоль одной из стен, очевидно, вела на второй этаж. Не знаю, каким показался бы мне этот дом, будь он лучше освещен и не стой у меня над душой эта жуткая женщина. Сейчас же он навевал на меня ужас. Портреты, развешанные по стенам, смотрели на меня сумрачно, таинственно и невыразимо зловеще. И мне было наплевать, что это,

скорее всего, подлинники, настолько отвратительно они выглядели.

– Вы сказали, что меня ждут. – Произнесла я, удивляясь, как гулко прозвучал в этом зале мой голос. Было бы неплохо, если бы он звучал несколько тверже, но приходилось пользоваться тем, что есть.

Великанша уловила мой страх, и мне показалось, что это открытие доставило ей удовольствие. Она сделала шаг вперед. Я отшатнулась. Мне показалось, что она собирается сесть на меня, чтобы тут же и раздавить, но она только криво усмехнулась и причмокнула губами. Затем захлопнула тяжелую входную дверь, тем самым отрезав мне путь к отступлению.

Она так и не ответила на мой вопрос и я испуганно оглянулась, примериваясь, куда бы спрятаться, если она вдруг решит на меня наброситься. Озираясь по сторонам, я вздрогнула, заметив силуэт какого-то человека в глубине зала, там, где начиналась широкая лестница, покрытая темно-вишневым ковром. Человек стоял неподвижно под одним из портретов и, казалось, прислушивался.

«Да они тут все сумасшедшие!» – Догадалась я. К сожалению, это открытие я сделала слишком поздно, бежать было уже некуда.

В тот момент, когда я готова была грохнуться в обморок, раздался дребезжащий голос:

– Инна Теодоровна, проводите девушку в кабинет, будьте

так любезны.

Голос принадлежал тому человеку под портретом. Сам он так и не вышел из тени, а старуха, не особенно церемонясь, подтолкнула меня в спину, давая понять, что я должна двигаться в сторону одной из многочисленных дверей.

Войдя в нее, я очутилась в просторном кабинете, стены которого, обшитые дубовыми панелями, мягко светились, отражая последние лучи заходящего солнца, бьющего прямо в окно. Сама старуха в кабинет входить не стала.

– Ждите здесь. – Буркнула она мне из коридора и захлопнула дверь.

Я ничего не понимала. Что происходит? Почему они ведут себя так, словно ждали моего появления? За кого они меня принимают? Как бы там ни было, я очень рассчитывала на свою сообразительность, намереваясь прояснить ситуацию по ходу разговора. Здесь, при свете теплого закатного солнца, я перестала бояться. Меня не сожрали собаки, меня не выгнали вшаей, а это уже неплохое достижение. Успокоившись, я принялась разглядывать кабинет. Мебель здесь стояла дорогая и солидная. В основном – антиквариат, приблизительно начала девятнадцатого века, подобранный с большим вкусом и в прекрасном состоянии. Возле окна стоял тяжелый письменный стол с резными ножками, в полированную столешницу которого можно было смотреться как в зеркало. Возле стен стояли несколько стульев, а возле самого стола – кожаное кресло. Кресло, в котором должен был сидеть хозя-

ин, было деревянным, напоминало трон и выглядело гораздо более старым, чем все остальные предметы в этой комнате. Меня удивило полное отсутствие книжных шкафов, хотя, возможно, хозяин предпочитает читать в библиотеке. В том, что в этом доме имеется библиотека, я не сомневалась.

Кибиткин все не шел. Сумерки быстро сгущались, в кабинете становилось темновато. Я повертела головой, намереваясь отыскать выключатель. Так и не обнаружив его, я заметила наверху чучело вороны и подивилась, для чего понадобилось устанавливать это чучело на высокий карниз под самым потолком. Странное место. Впрочем, все в этом доме выглядело странным. Переборов свое отвращение, которое я с некоторых пор питала к этому виду пернатых, я подошла поближе. Черная неподвижная фигурка с отливающими зеленым и синим перьями, притягивала меня как магнит. Вспомнив слова Маши, я сообразила, что это должен быть ворон, а не ворона, ведь он был черным с ног до головы. В ту самую минуту, когда я подошла так близко, что смогла разглядеть недобро поблескивающие глаза-бусинки, «чучело» внезапно сорвалось со своего места и расправив крылья спикировало прямо мне на голову, пронзительно выкрикивая:

– Др-р-р-рянь! Др-р-р-рянь!

– Ах ты, зараза! – Не осталась я в долгу, неловко уворачиваясь от большущего клюва птицы. Я услышала хлопанье крыльев, на меня пахнуло душным запахом, и мимо с хриплым карканьем пронеслась черная тень. Я схватила со сто-

ла тяжелое пресс-папье и приготовилась отразить новое нападение, но птица внезапно передумала, метнулась к окну и вылетела в открытую форточку. Через окно я видела, как она взлетела на высокую ель, опустилась на самую верхнюю ветку, и принялась преспокойно чистить перья.

– Надеюсь, Прасковья вас не поранила? – Раздалось за моей спиной. Я вздрогнула и резко обернулась, обнаружив стоящего совсем близко невысокого толстенького человечка. Должно быть, он вошел, пока я отбивалась от мерзкой птицы. Могу поклясться, что совершенно не заметила, когда и как это произошло.

Несмотря на то, что портретами этого господина пестрели все газеты и журналы, я, признаюсь, не сразу сообразила, что стою лицом к лицу со знаменитым писателем. Его лицо было знакомым и все-таки выглядело иначе. Он, конечно, и на фотографиях не блистал красотой, но в жизни выглядел просто отвратительно. Я догадалась, что издателям приходилось изрядно повозиться с компьютерной ретушью, чтобы привести эту, с позволения сказать, рожу в божеский вид. Десятки лет пьянства и бедности наложили на лицо знаменитости неизгладимый отпечаток. Его одутловатое лицо с отвисшими, как у бульдога, брылями имело нездоровый, желтоватый оттенок, какой бывает у людей, страдающих заболеваниями почек. Слезящиеся глаза с ярко-красными прожилками все время щурились, прячась под отечными веками. Бровей и ресниц я не заметила вовсе. Подбородок и ще-

ки заросли неопрятной щетиной. Я поспешно отвела глаза, чтобы не обидеть его своим удивлением, но успела заметить, как его воспаленные глаза, уставившиеся на меня, приобрели тусклый, неприятный блеск.

– Ваша ворона всех встречает так неласково? – Спросила я хмуро.

В ответ он засмеялся бляющим смехом, как будто услышал остроумную шутку. Потом с хитрым и злобным видом вытянул вперед пухлый, как переваренная сосиска, палец и ткнул им в окно, указывая на ворону.

– Вы должны быть более снисходительны к Прасковье. – Хихикнул он. – Она всего лишь птица. У меня редко бывают гости и у нее не было времени научиться вежливому обращению с чужими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.